

I.
ГЕНЕРАЛЪ И АДМИРАЛЪ
ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ.
ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

XIV (*).

Первая морская победа, одержанная Петромъ. — Взятіе Азова. — Торжественное вступленіе войскъ въ Москву. — Особенная честь, отданная царемъ адмиралу Лефорту и генералу Шеншу. — Пиръ въ Нѣмецкой Слободѣ. — Награды.

Утромъ, 19-го мая, флотилія пошла къ устью Дона, по рукаву его, называемому Каланчею или Калангою. Вся эта мѣстность изрѣзана множествомъ небольшихъ и отчасти мелкихъ протоковъ, съ образовавшимися, вслѣдствіе того, островками, что и служитъ главною причиною сильнаго наноса песку къ берегамъ моря. Уже цѣлыя столѣтія, и до нашего времени, слышатся жалобы на крайнюю ограниченность и трудность судоходства по Дону отъ засоренія его устій пескомъ; торговля суда могутъ плавать у береговъ только при западномъ или южномъ вѣтрѣ, а военныя суда должны останавливаться довольно далеко отъ впаденія рѣки въ море и перевозить въ крѣпость снаряды и продовольствіе на плоскодонныхъ лодгахъ. Устьями Дона и всѣми особенностями мѣстности казаки искони умѣли пользоваться превосходно въ борьбѣ съ турками; такъ поступили они и теперь и помогли Петру одержать блистательную побѣду.

По причинѣ низкой воды, вслѣдствіе противнаго сѣвернаго вѣтра, галеры принуждены были остановиться; но зрѣлище непріятель-

(*) См. „Военный Сборникъ“ 1870 г. №№ 7, 8, 9, 10, 11, и 12 и 1871 г. № 1. Т. LXXVII. Отд. I. 11

скихъ судовъ произвело на Петра свое дѣйствіе. Что затѣмъ случилось, передадимъ собственными словами, писанными царемъ 31-го мая 1696 года «генералиссимусу» и князю-кесарю Рамодановскому.

«Мин Нег Келіи».

«15-го дня пришелъ нашъ караванъ въ Черкасскій, и въ 18 день пришли въ Каланчу; въ 19 день пришли на устье моря, и за мелкою на море галерамъ вытти было невозможно. А непріятель на морѣ стоялъ въ 13 корабляхъ; и того же дня непріятель, нагружая жалованьемъ и воинскими припасы, въ 13 тунбасахъ (плоскодонныя суда), съ которыми для провожанья въ 11 ушколахъ (родъ галеры) были янычона (янычары), и какъ тѣ суды поравнялися противъ устья Каланчинскаго, и мы, холопи твои, въ малыхъ судахъ, и казаки въ лодкахъ, прося у Бога милости, ударили на того непріятеля, и милостію Божіею и пресвятыя Богородицы со всеми святыми молитвою, а вашимъ государскимъ счастьемъ, тѣ вышенисанныя суды разбили, изъ которыхъ 9 сожгли, 1 взяли, а достальныя ушли къ кораблямъ; и корабли, то видя, 11 ушли, а одинъ затопили сами, а другой наши сожгли. На тѣхъ тунбасахъ взято 29 человекъ языковъ, пороху 85 бочекъ, 300 бомбовъ, 5,000 гранатъ, 500 копей, и все это къ нимъ везено. Взято больше всего суконъ и иныхъ вещей.

«А взятые языки сказывали, что приславо на тѣхъ корабляхъ 500 янычонъ (янычаръ) и многіе припасы и мортиры, и людей—де они высадили на берегъ, видя наши галеры, и для того сухимъ путемъ послали; а запасы—де, которые остались, ушли всѣ назадъ на корабляхъ. А третьяго дни вѣтеръ былъ полуденный, и галеры вышли всѣ въ море въ цѣлости.»

«Съ моря, мая 31-го дня».

«Piter».

Такия же извѣстія, только съ бльшими подробностями, сообщилъ Петръ и думному дьяку Виніусу, и то же самое писалъ въ Москву и Лефорть.

По словамъ путевого журнала Петра, галеры предпринимали, 20-го мая, на рукавахъ Котюрмѣ и Каланчѣ многія движенія и 21-го воротились въ Новосергіевъ, гдѣ были употреблены для общей канонады по случаю одержанной побѣды. Здѣсь ожидали они адмирала, который, прибывъ 21-го числа со своими галерами, немедленно двинулся со всею флотиліею къ морю, такъ что въ полдень могъ бросить якорь въ устьѣ большой Котюрмы. Въ тотъ же день адмиралъ выходилъ съ караваномъ въ море, версты на двѣ, но ни одного

турецкаго корабля не видавъ: послѣ событій 20-го мая всё непріятельскіе корабли исчезли. На утро галеры опять ходили въ море, стояли здѣсь на якорѣ, а потомъ приняты были мѣры къ постройкѣ на правомъ берегу Дона укрѣпленій, чтобы совершенно запретъ рѣку.

Однако флотъ былъ еще не въ полномъ составѣ: не доставало вице и контръ-адмираловъ съ ихъ судами. Первый прибылъ къ Новосергіеву съ семью галерами и на третій день спустился къ морю. Всего, по письму Петра къ Рамадановскому (отъ 11-го іюня), собралось здѣсь двадцать двѣ галеры. Когда, на слѣдующій день, явился де-Лозье, адмиралъ писалъ въ Москву (отъ 20-го іюня): «Я нахожусь съ его величествомъ на рѣкѣ; флотъ состоитъ изъ двадцати девяти галеръ; помощь (азовскому гарнизону) пришла; она остановилась въ трехъ льѣ отъ Азова (вѣроятно, отъ устья Дона), на морѣ, въ виду нашихъ кораблей; но ей невозможно пробиться, потому что его величество приказалъ построить два форта при устьѣ рѣки». Кромѣ того, рѣка была преграждена тою самою цѣпью, которую употребляли турки, для подобной же цѣли, ниже обѣихъ башенъ и которою русскіе завладѣли въ минувшемъ году.

Прибывшій на помощь Азову Турпочи-паша, съ десантомъ въ 4,000 человекъ, оставался въ наблюдательномъ положеніи до 28-го іюня, когда, подъ-вечеръ, тронулся, со своими 24 судами, по направленію къ русскому флоту; но лишь только русскій флотъ снялся съ якоря и приготовился къ атакѣ, турки распустили всё паруса и ушли въ море.

Эго рѣшили судьбу крѣпости Азова: непріятель, не сдѣлавъ даже попытки принять бой новаго созданія Петра, бросилъ осажденныхъ на произволъ судьбы. Радостная надежда на скорое окончаніе похода распространилась во флотѣ, въ лагерѣ и вѣсть о томъ послана была въ Москву. Лефортъ писалъ туда: «крѣпость продержится недолго и принуждена будетъ сдаться». Въ то же время получены были извѣстія о большихъ успѣхахъ, одержанныхъ казаками и калмыками надъ крымскими татарами.

Подъ Азовомъ Шеннъ командовалъ арміей въ 60—70,000 человекъ. 4-го іюня онъ вступилъ въ прошлогодній лагерь, измѣнивъ нѣсколько расположеніе нѣкоторыхъ отрядовъ, и, вслѣдъ затѣмъ, приказалъ работать день и ночь надъ осадными верями. Каланчи, сильно укрѣпленные, служили важными опорнымъ пунктомъ. Имъ оборонялся мостъ, наведенный чрезъ Донъ, что позволило осаждающимъ безпрепятственно перейти на противоположный берегъ и воз-

вести фортъ насупротивъ крѣпости. Нурадинъ-султанъ, азовскій комендантъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи незначительный гарнизонъ; онъ надѣялся на обѣщанную помощь, но, прежде чѣмъ она пришла, путь ей къ крѣпости былъ прегражденъ, и русскій флотъ уже владѣлъ устьемъ рѣки. Тѣмъ не менѣе осажденные держались мужественно, и, казалось, несмотря на жестокое бомбардированіе и на неудачныя дѣла, сдѣдутся пещоро. По этой причинѣ, приступлено было (23-го іюня) къ постройкѣ предложеннаго генераломъ Гордономъ высокаго землянаго вала, вплоть до непріятельскаго вала, и къ засыпкѣ рва, чтобы прогнать турокъ отъ крѣпостной стѣны. Спустя нѣсколько дней, именно въ день тезоименитства Петра, черезъ двѣнадцать часовъ по отступленіи турецкаго флота, бояринъ Шеннъ предложилъ Нурадину сдаться на умѣренныхъ условіяхъ. Азовскій комендантъ отвѣчалъ канонадою по русскому лагерю.

Турецкіе корабли, между тѣмъ, все еще стояли въ морѣ. Турочка-паша, въ ожиданіи прибытія сухимъ путемъ назначенной султаномъ, для освобожденія крѣпости, помощи, пытался, 13-го іюля, атаковать русскій флотъ и форсировать проходъ въ устье Дона; но тщетно: его молодой противникъ былъ столько же смѣлъ, сколько бдителенъ.

Въ половинѣ іюля, большой земляной валъ былъ доведенъ до непріятельскаго бойверга и городской ровъ засыпанъ; множество инженерныхъ работъ, въ особенности мины, были исполнены въ обширныхъ размѣрахъ, цѣлесообразно и искусно; но эта честь не принадлежала прибывшимъ только теперь, сначала изъ Бранденбурга, потомъ изъ Австріи, инженерамъ, минерамъ и фейерверкерамъ (*). О нихъ Гордонъ писалъ: «Вечеромъ я водилъ ихъ по всѣмъ траншеямъ, и мы осматривали мины. Они дивились обширности верковъ и трудамъ, употребленнымъ нами надъ проведеніемъ траншей». Одновременно, на другомъ берегу рѣки, насупротивъ Азова, былъ построенъ, подъ руководствомъ князя Долгорукаго, сильный фортъ. Осажденнымъ грозила съ обѣихъ сторонъ серьезная опасность: городъ уже былъ сожженъ; гарнизонъ, предоставленный собственнымъ силами, значительно уменьшился въ числѣ и нуждался во всемъ.

(*) Присланные курьеромъ Бранденбургскимъ люди прибыли въ лагерь подъ Азовомъ 25-го іюня, а австрійцы 11-го іюля. Первые состояли изъ двухъ инженеровъ и четырехъ фейерверочныхъ мастеровъ; императоръ же Леопольдъ прислалъ артиллерійскаго полковника Казимира фонъ-Краге, „съ одиннадцатью товарищами“. Между ними находились инженеры Ла-Валь, котораго Лефортъ называетъ савояромъ, родившимся недалеко отъ Женевы, и баронъ Бургдорфъ (или Бурксторфъ, или Воргдорфъ).

18-го числа рѣшено было штурмовать крѣпость въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Еще до полудня происходили жаркія схватки между турецкою и татарскою конницею и казаками и черкесами, какъ вдругъ къ главному воеводѣ явился парламентаръ съ письмомъ отъ Нурадина: комендантъ предлагалъ сдать городъ и крѣпость, подъ условіемъ свободнаго выхода съ женщинами, дѣтьми, оружіемъ и имуществомъ. Все это было дозволено и капитуляція заключена немедленно; только по одному пункту встрѣтилось затрудненіе: Петръ требовалъ выдачи бѣжавшаго въ прошломъ году переметчика Янушки Янсона. Янычары, между которыми онъ служилъ, перейдя въ магометанство, хотѣли защищать и спасти его; но это не удалось и преступникъ былъ выданъ.

Занятіе города и крѣпости Азова русскими полками, на слѣдующее утро, было такимъ торжествомъ, которое глубоко подѣйствовало на душу Петра и еще глубже отразилось на судьбахъ его отечества. Казавшаяся неодолимою, грозная крѣпость, преграждавшая доступъ къ Черному Морю, лежала теперь у ногъ царя въ развалинахъ, а ниже ея, какъ ключъ къ ней, плавалъ флотъ, который, едва возникнувъ по гениальной мысли Петра и даже не вполнѣ отвѣчавшій смыслу слова «флотъ», указывалъ неприятелю на начало новой эры въ Россіи. Когда галеры или «караваны» — какъ называлъ обыкновенно Петръ зачатки будущаго русскаго флота — выстроились въ этотъ день подъ адмиральскимъ флагомъ, съ изображеніемъ на немъ герба Лефорта, чтобы пропустить часть жителей Азова, отправленныхъ на лодкахъ къ безсиьной теперь турецкой эскадрѣ, со всѣхъ орудій раздался громъ, привѣтствовавшій одержанную побѣду.

Вслѣдъ затѣмъ Петръ написалъ князю-цесарю и патриарху о торжествѣ православнаго оружія надъ невѣрными. Изъ письма племянника Лефортова въ Женеву (отъ 31-го іюля) видно, что на другой день (1-го августа) всѣ «именитые князья и бояре» должны были обѣдать въ домѣ Франца Яковлевича, и что эти обѣды продолжались три дня сряду.

Непосредственно по взятіи Азова, молодой царь проявилъ самую энергическую и самую дальновидную дѣятельность не только для обезпеченія за Россіей завоеваннаго города, но и относительно своихъ обширныхъ предначертаній. Уже на другой день по занятіи Азова русскими войсками, онъ послалъ инженеровъ въ разрушенный городъ, поручивъ имъ составить планъ необходимыхъ укрѣпленій. Еще важнѣе для Петра было заложеніе болѣе удобной гавани на Азовскомъ Морѣ, съ охраняющими ее верками. Для отысканія та-

ного мѣста, онъ наѣхивался, въ сопровожденіи многихъ генераловъ, капитановъ флота и инженеровъ, осмотрѣть морскіе берега на галерѣ, отбитой въ прошломъ году у турокъ; но едва вышли изъ устья Дона, какъ глубина оказалась столь малою, что царь могъ плыть далѣе только на небольшомъ ботѣ. Ближайшею цѣлю плаванія былъ Таганрогъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Азова; здѣсь, по изслѣдованіи глубины моря, Петръ рѣшилъ основать городъ, и едва успѣлъ возвратиться въ Азовъ (28-го числа), какъ утвердилъ планъ таганрогскихъ укрѣпленій и сдѣлалъ распоряженія для начатія работъ. Всѣ эти постройки, къ которымъ въ слѣдующемъ году присоединилось заложение гавани на рѣкѣ Міусѣ, были поручены пріѣхавшему изъ Австріи инженеру де-Лавалю. Не менѣе 8,000 солдатъ должны были остаться здѣсь какъ для производства работъ, такъ и для предупрежденія какихъ-либо попытокъ со стороны турокъ. Разрушеніе же осадныхъ верковъ и возстановленіе другихъ укрѣпленій произвели различные полки, передъ выступленіемъ въ обратный походъ.

«Дневникъ» Гордона, сопутствовавшего царю въ Таганрогъ, свидѣтельствуешь, что Петръ приказалъ безотлагательно приступить къ гидрографическимъ изысканіямъ и измѣреніямъ, для принятія мѣръ противъ чрезвычайно вредныхъ послѣдствій засоренія пескомъ многихъ устій Дона. Но и тогда, какъ и въ наше время, усилія по этому дѣлу не увѣнчались успѣхомъ (*).

И такъ, овладѣніе частію Чернаго Моря совершилось, и царь справедливо могъ утѣшаться достиженіемъ цѣли, все значеніе которой онъ едва-ли сознавалъ ясно два года тому назадъ. Если безотлучному спутнику и совѣтнику молодого царя приписываютъ вообще тогдашнее расширеніе его духовнаго горизонта, то, и при настоящихъ, столько же смѣлыхъ, сколько величавыхъ предначертаніяхъ, онъ не могъ не принимать дѣятельнаго участія. Два года чрезвычайныхъ трудовъ и усилій дали Петру опорную точку къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ, послѣдствія которыхъ были неисчислимы. Еще недавно онъ помышлялъ лишь о томъ, чтобы послать пару военныхъ судовъ въ Астрахань, а отсюда отправить ихъ и далѣе, съ цѣлю установить, въ этомъ краю, торговые и промышленныя сношенія; продол-

(*) Въ 1862 году, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ обращался въ академію наукъ съ вопросомъ о причинахъ этого явленія. Назначенная для отвѣта на вопросъ коммисія представила записку, въ которой объяснила, что жалоба на засореніе устій Дона—жалоба весьма старая. (Bulletin de l'Académie des sciences, томъ II, листы 4 — 8). Позже предприняты были серьезныя работы для устраненія этого неудобства.

Для теперь осуществлять эту мысль, онъ привелъ ее въ связь съ только-что сдѣланнымъ приобретениемъ. Искусственное соединеніе двухъ, необыкновенно важныхъ для Россіи, морей, Чернаго и Каспійскаго— вотъ такая великая мысль занимала царя! Онъ положилъ связать каналомъ двѣ величайшія рѣки своего царства, Волгу и Донъ, и тѣмъ воззвать къ новой жизни воды, доселѣ оставшіяся безплодными. Но сколько усилій требовалось для выполненія этого плана, особенно при тогдашнихъ условіяхъ? Побѣда, конечно, была одержана, однако тѣмъ силнѣе разгаралась затаенная месть побѣжденнаго врага. Борьба еще не кончилась; она могла сдѣлаться тѣмъ упорнѣе и тѣмъ опаснѣе, чѣмъ большій перевѣсъ имѣлъ противникъ на морѣ. Слѣдовательно, впередѣ предстояло еще много трудовъ для удержанія приобретеннаго.

Петръ возвратился изъ похода обогащенный свѣдѣніями и опытомъ, и именно эти-то элементы развитія могущественно подѣйствовали на его творческую умъ, побуждали его отыскивать новыя средства и пути для осуществленія великой задачи....

Но прежде чѣмъ говорить о томъ, посмотримъ, какъ возвратился царь-побѣдитель въ свою столицу, къ своему народу, и какъ оправдывалъ онъ торжество русскаго оружія.

Окрестности Москвы, по близости царскаго села Коломенскаго и деревни Кожуховой, были назначены сборнымъ мѣстомъ возвращавшихся изъ-подъ Азова полковъ. Отсюда должны были торжественно вступить въ столицу воины, впервые побѣдоносно окончившіе борьбу на морѣ и на сушѣ. Приказавъ вице-адмиралу и контръ-адмиралу отправиться въ Воронежъ водою на шлюпкахъ и на ботахъ (галеры и другія суда флотліи были оставлены подъ-Азовомъ), съ морскимъ баталіономъ, а арміи слѣдовать сухимъ путемъ, самъ царь отплылъ по Дону въ Черкасскъ, 15-го августа, куда, на другой день, выступилъ и бояринъ Шемякинъ со своими войсками. Отъ Черкасска до Валужекъ, Петръ опять дѣлилъ съ ратниками всѣ трудности степнаго похода, и затѣмъ успѣшилъ въ Москву, куда пріѣхалъ 10-го сентября и занялся приготовленіями къ торжественному вступленію.

Честь побѣды принадлежала, безспорно, морскому баталіону, офицерамъ и солдатамъ флотліи. О чествованіи ихъ Петръ писалъ еще изъ-подъ Азова; въ такомъ же смыслѣ высказался и Рамодановскій, отвѣчая на письмо царя о взятіи турецкой крѣпости. Приписывая успѣхъ всего похода начальнику морскихъ силъ, царь, въ лицѣ

его, хотѣлъ почитать свое новое созданіе, и постоянно говорилъ, что флотъ былъ главною причиною паденія Азова (*).

24-го іюля, Лефорть, въ сопровожденіи всѣхъ галеръ, двинулся съ моря къ каланчамъ; здѣсь, на другой день, онъ сѣлъ, съ небольшою свитою, на боть, чтобы пуститься въ обратный путь къ Воронежу. Онъ рѣшился предпринять медленное плаваніе по Дону вслѣдствіе своего болѣзненного состоянія, непозволявшаго ему ѣхать въ коляскѣ. Правда, во время его отсутствія изъ Москвы, мало упоминалось, въ письмахъ оттуда, о его болѣзни, и онъ самъ извѣщалъ, что «его здоровье начинаетъ поправляться»; но когда генералъ возвратился въ Слободу, родные его писали въ Женеву, что онъ постоянно и серьезно хворалъ и выносилъ жестокия страданія. Матери своей Лефорть писалъ: «Я много вытерпѣлъ на походѣ; но радость, что все удалось такъ хорошо, заставляетъ меня забывать все претерпѣнное, и я желаю, бы только не думать о настоящихъ страданіяхъ. Врачи и хирурги дѣлаютъ все возможное. Объемъ раны очень великъ и глубокъ. Они надѣются, впрочемъ, возстановить мое здоровье». Эта надежда, кажется, оживляла больного: 15-го сентября онъ писалъ царю, съ которымъ еще не встрѣчался послѣ Азова: «Благодареніе Богу, я чувствую себя гораздо лучше. Благодарность старику Блуменросту: онъ лечитъ меня день и ночь».

Не менѣе пяти съ половиною недѣль употребилъ Лефорть на путь, вверхъ по Дону, отъ Азова до Воронежа; отсюда онъ принужденъ былъ ѣхать въ саняхъ, по невозможности выносить тряску въ колесномъ экипажѣ, и 10-го сентября достигъ, наконецъ, Москвы. Изъ Москвы онъ писалъ два письма (15-го и 17-го сентября) царю, находившемуся тогда на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ, но въ этихъ письмахъ не говорится ничего опредѣленнаго о торжественномъ въѣздѣ въ столицу. Полки и, въ особенности, морской баталіонъ, еще не приходили. Когда же они стали постепенно собираться въ окрестностяхъ Коломенскаго и Кожухова, царь пріѣхалъ сюда 28-го числа и назначилъ 30-е днемъ необыкновенной церемоніи.

До сихъ поръ подробности торжественнаго вступленія въ Москву войскъ, возвратившихся изъ-подъ Азова, были извѣстны по описанію, помѣщенному въ преждеупомянутой брошюрѣ о походѣ боярина Шамна и по «Дневнику» Гордона; здѣсь представляются дополнительныя

(*) Даже турки и татары, жестоко озадаченные потерей важной позиціи на Азовскомъ Морѣ, сознавались, что эта цѣль была достигнута только русскими галерами, занимавшими устье Дона. Султанъ обвинялъ своихъ визирей и пашей въ небрежности и, особенно, въ запоздаломъ приходѣ флота подъ Азовъ.

данныя, особенно по отношенію къ Лефорту: они основаны на его письмахъ къ старшему брату.

Думный дьякъ Зотовъ, такъ называемый «князь-папа», открывалъ шествіе, сидя въ каретѣ и держа въ рукахъ щитъ и мечъ. За нимъ слѣдовали сначала дьяки и пѣвчіе, и въ различныхъ коляскахъ бояре Федоръ Алексѣевичъ Головинъ и Кирилъ Александровичъ Нарышкинъ; потомъ, предшествуемый двѣнадцатью парадными конями, ѣхалъ самъ триумфаторъ—адмиралъ въ саняхъ, запряженныхъ шестью богато-убранными лошадьми, съ царской конюшни, и окруженный кѣльщиками (*). За нимъ шла морская рота (или солдаты морского «каравана»), предводимая царемъ, принявшимъ званіе ея командира; взводами начальствовали вице-адмиралъ и штуръ-бей-нахъ (контръ-адмиралъ); потомъ былъ несенъ морской флагъ. Далѣе ѣхалъ главнокомандующій (Шенъ), за которымъ были ведены плѣнные и волочимы по землѣ карабинерными солдатами вѣтвя въ Азовъ знамена. За главнокомандующимъ шли бомбардиры; за ними генералъ Артамонъ Головинъ съ пятью полками, въ средній которыхъ находился кѣльщикъ Явуска Явонъ. Шествіе замыкалъ генералъ Гордонъ съ шестью полками.

Триумфальныя ворота были сооружены при началѣ каменнаго чрезъ Москву—рѣку моста, и украшены эмблемами и надписями въ похвалу храбрыхъ моряковъ и въ прославленіе морской побѣды. Приблизившись къ воротамъ, адмиралъ вышелъ изъ саней и прослѣдовалъ, рядомъ съ царемъ, подъ аркою; но предварительно онъ былъ привѣтствованъ съ вершины воротъ «геніемъ», прочитавшимъ въ рупоръ (**)

«Генераль-адмиралъ, морскихъ войскъ глава,
 Пришелъ, узрѣвъ, побѣдиль прегердаго врага.
 Мужествомъ командера (т. е. царя) турокъ вскорѣ пораженъ,
 Премногихъ же оружій и запасовъ си лишень;
 Сраженіемъ жестокимъ бусурманы побѣждены,
 Кърысти ихъ отбиты, корабли запалены.
 Оставшія-жъ ся въ бѣгство ужасно устремша,
 Страхъ великій въ Азовѣ и всюду расшириша;
 По сихъ ихъ сила многа на морѣ пави приде,
 Но въ помощь въ градъ Азовъ отъ сихъ никто же виде;

(*) „Comme je ne pouvais pas souffrir la carrosse ni calèche, je passais la ville, où il n'était pas nécessaire de descendre, en traîneau“, писалъ Лефортъ. („Такъ какъ я не могъ выносить ѣзды ни въ каретѣ, ни въ коляскѣ, то проѣхалъ по городу, гдѣ не нужно было выходить, въ саняхъ“).

(**) Рупоръ былъ величиною въ полторы сажени, такъ что народъ могъ слышать провознесенныя слова.

Ся бо возбранила морскихъ то всевъ сила,
И къ сдачѣ градъ Азовъ всю выю наклонила.
И тѣмъ взятъемъ весело ты поздравляемъ,
Труды же командора триумфомъ прославляемъ» (*).

По окончаніи привѣтствія, вся пѣхота сдѣлала три залпа и раздался громъ пушекъ во всѣхъ частяхъ города. Великъ затѣмъ адмиралу было поднесено въ даръ богатое оружіе. Сѣвъ опять въ сани, онъ проѣхалъ чрезъ Бѣлый-Городъ въ Кремль; отсюда, возвращаясь чрезъ Троицкія Ворота, прошелъ ихъ пѣшкомъ; далѣе прослѣдовалъ, чрезъ весь городъ, до Нѣмецкой Слобоны, въ саняхъ, а царь Петръ постоянно шелъ за нимъ пѣшкомъ въ главѣ морскихъ войскъ. «И все это шествіе», замѣчаетъ Лефортъ, «продолжалось съ утра до вечера, и никогда Москва не видала подобной великолѣпной церемоніи» (**).

Слово «генераль-адмиралъ», употребленное въ первой строкѣ приведенныхъ стиховъ, послужило, кажется, поводомъ къ миѣнію, будто Петръ даровалъ Лефорту этотъ титулъ или титулъ «великаго адмирала». Конечно, Петръ, по свойству своего духа, готовъ былъ оказывать наибольшее отличіе тому, кто былъ главнымъ начальникомъ морскихъ силъ, и присвоить ему названіе «великаго адмирала», употреблявшееся голландцами; но есть достовѣрные факты, свидѣтельствовавшіе, что этого не случилось, и потому ошибочно было бы признавать Лефорта первымъ *генераль-адмираломъ* въ Россіи. Самое ясное доказательство заключается, бесспорно, въ томъ, что самъ

(*) Болринъ Шениъ тоже былъ привѣтствованъ стихами и въ честь его также палили изъ ружей и изъ пушекъ.

(**) По показанію Гордона, полки уже въ Кремлѣ были распущены по своимъ квартирамъ и главнокомандующій уѣхалъ домой. Вечеромъ, съ болриномъ Шениымъ случилась странная исторія. Царь потребовалъ отъ него турецкихъ знаменъ, но два раза Шениъ отказывался выдать ихъ и только по третьему строгому повелѣнію уступилъ упрямый воевода.

Гордонъ рассказываетъ: „Какъ тѣ солдаты (его команды), которые имѣли военные знаки, такъ фурьеры или подпрапорщики, были все одѣты по-турецки, съ чалмами на головѣ, что представляло невиданное зрѣлище, которому дивились и русскіе, и иностранцы“.

Самое сосредоточенное вниманіе зрителей обращалъ на себя измѣнникъ Яковъ Янсонъ. Онъ былъ везенъ на колесницѣ съ вислицею, у которой стоялъ съ распростертыми руками и съ привязанною шею; надъ нимъ было изображеніе полуштыца и звѣзды, а на груди его дощечка съ надписью, сколько разъ „Якушка“ мѣнялъ вѣру. Измѣнникъ имѣлъ на себѣ турецкую одежду, на головѣ чалму, на ногахъ цѣпи. Лефортъ говоритъ: „Ce traître nous fit beaucoup de mal. Il est de Dantzick. Il était lutherien, après moscovite, à Azof turc, et hier coupé tout vif après sa tête coupé par grâce“. („Этотъ измѣнникъ надѣлалъ намъ много зла. Онъ изъ Данцига. Былъ лютераниномъ, потомъ православнымъ, въ Азовѣ туркомъ, и вчера колесованъ и обезглавленъ“).

Лефортъ, ни въ частныхъ, ни въ официальныхъ бумагахъ, никогда не подписывался «général-amiral», но всегда ставилъ между этими двумя словами союзъ «et» (и), и часто прибавлялъ къ слову «генераль»: «premier» или «pr.», обозначая тѣмъ свой чинъ полного генерала. Короче, нѣтъ рѣшительно никакихъ документовъ, чтобы Лефортъ считалъ себя «великимъ адмираломъ» или «генераль-адмираломъ». Всего явственнѣе это обнаруживается изъ слѣдующаго обстоятельства: когда Лефортъ, въ качествѣ царскаго посла, прибылъ въ Гаагу и послалъ всѣмъ министрамъ свою карточку, или адресъ, на ней было поменовано только: «premier général et amiral». Точно такъ подписался онъ и на договорѣ, заключенномъ съ прусскимъ дворомъ 22-го июня 1697 года. Было бы болѣе нежели удивительно, если бы, имѣя титулъ «великаго-адмирала», онъ не упомянулъ о томъ въ какомъ-нибудь изъ своихъ писемъ. Никакого намека по этому вопросу не встрѣчается и въ письмахъ близкихъ къ нему лицъ (*). Но когда оба слова (général, amiral) встрѣчаются сокращенными, тогда союзъ обыкновенно опускался. Такъ подписывался Лефортъ и въ письмахъ къ Петру: «генер.-адм.^{ра}», или «ген.-ад., или даже «г. ад», или «адм.»; но въ первый разъ онъ подписался: «ген.^{ра} и адм.^{ра}».

Безспорно только то, что память о Лефортѣ, какъ о сотрудникѣ Петра по созданію флота, живетъ въ русскомъ народѣ. Въ 1853 году, послѣ сивонскаго сраженія, появилось патриотическое стихотвореніе «Воспоминаніе о русскомъ флотѣ», въ которомъ на вопросъ: «кто былъ исполнителемъ его (Петра) желаній и повелѣній?»—отвѣчаютъ: «Лефортъ».

Въ то время (1853 г.) англичане много занимались вопросомъ о нашихъ морскихъ силахъ, и, обращаясь къ исторіи русскаго флота, часто упоминали о первомъ адмиралѣ Лефортѣ, чтобы показать, какъ знали и цѣнили его дѣятельность при возникновеніи въ Россіи флота.

Что Петръ желалъ отпраздновать свои побѣды и роскошными пи-

(*) Шведы, во время пребыванія царскаго посольства въ Ригѣ, говорили и писали, правда, о генераль-адмиралѣ Лефортѣ; то же было въ Курляндіи и въ Пруссіи, когда посольство явилось туда; но корреспонденціи, печатавшіяся, во время пребыванія Лефорта въ Голландіи, въ нидерландскихъ, въ англійскихъ, въ нѣмецкихъ и въ швейцарскихъ газетахъ, не упоминаютъ о генераль-адмиралѣ, и лишь нѣкоторые французскія реляціи называютъ его этимъ чиномъ.

Слово „генераль-адмиралъ“ встрѣчается еще въ названномъ выше описаніи похода боярина Шеина, и въ одномъ документѣ, изготовленномъ по поводу награжденія Лефорта за азовскую кампанію; но и это не доказываетъ, что Лефортъ дѣйствительно носилъ титулъ генераль-адмирала.

рами, это разумеется само собою; что пары и потѣхи могли быть устроены только въ домѣ Лефорта, объ этомъ также говорить нечего. Тотчасъ послѣ торжественнаго въѣзда, царь, со всѣми флотскими офицерами, отправился въ Нѣмецкую Слободу ужинать; но главное празднество было пока отложено, кажется, по причинѣ болѣзни Лефорта. По крайней мѣрѣ, въ письмѣ его, отъ 9-го октября, встрѣчаются слѣдующія слова: «Горестъ, въ которую былъ погруженъ его величество вслѣдствіе моего недуга, невѣроятна. Именно для него я не желалъ бы умереть, ибо благоволеніе его ко мнѣ столь велико, что опъ, по собственнымъ его словамъ, готовъ былъ бы скорѣе лишиться многихъ важныхъ предметовъ (*il aimerait mieux perdre plusieurs choses de conséquence*). Врачи и хирурги получили строгіе выговоры за небреженіе обо мнѣ. Куда бы я ни пошелъ, одинъ изъ нихъ слѣдуетъ за мною, для наблюденія, чтобы я не сдѣлалъ чего-либо недозволительнаго. Уже цѣлый годъ живу я очень воздержно; вила мнѣ запрещены. Вооружаюсь терпѣніемъ».

Спустя двѣ недѣли, состоялось, наконецъ, первое великое пиршество въ домѣ Лефорта. Онъ самъ описалъ и обѣдъ, за которымъ присутствовало болѣе двухъ сотъ человекъ, и продолжительные танцы, и великолѣпный фейерверкъ, и неумолкаемую пальбу изъ пушекъ. «Черезъ недѣлю», прибавляетъ Лефортъ, «пировали у генерала Шелна; пушечная пальба также происходила, но не спускали фейерверка и не танцевали». Потомъ были празднества у околычаго Александра Петровича Протасова, у генералъ-маіора Менгдена и у другихъ.

Къ манифестаціямъ послѣ войны принадлежали и необыкновенно пышные похороны. Въ первомъ азовскомъ походѣ былъ убитъ инженеръ Морло, бернскій уроженецъ; во второмъ та же участь постигла двоюроднаго брата Лефортова, Лекта. Оба тѣла были привезены въ Москву и погребены съ величайшими военными почестями, въ присутствіи Петра, командовавшаго шестью ротами. До ста человекъ князей и бояръ явились въ черныхъ мантияхъ съ длиннымъ крепомъ. Послѣ похоронъ, происходили поминки въ домѣ Лефорта.

Награды участникамъ въ покореніи Азова были щедры и объявлены съ большою церемоніей. О себѣ Лефортъ пишетъ: «Его величество пожаловалъ меня званіемъ (*charge*) вице-короля (наѣстника) великаго княжества Новгородскаго; кромѣ того, я получалъ, за мою службу подъ Азовомъ, нѣсколько деревень, съ двумя стами крестьянъ, въ полуторѣ дня ѣзды отсюда (отъ Москвы); далѣе, золотую медаль, соболью шубу, кусокъ златотканой парчи, большой вызолоченный бокалъ, съ именемъ его царскаго величества, и камен-

ный домъ, выстроенный, по приказанію государя, въ мое отсутствіе» (*).

Пожалованная Лефорту вотчина, вслѣдствіе чего онъ и его потомки приобрѣли права русскаго наследственнаго дворянства, состояла изъ села Боговлянскаго, съ деревнями, въ Бивфанскомъ уѣздѣ, и изъ деревни Брасной, въ Рязанскомъ уѣздѣ, всего въ числѣ 175 крестьянскихъ дворовъ. Въ пожалованной грамотѣ, на большомъ пергаментномъ листѣ, съ богатыми украшеніями золотомъ и серебромъ и съ государственною серебряною печатью, исчислены были въ подробности дѣла Лефорта, въ особенности его заслуги какъ адмирала, и воздана хвала его храбрости и мужеству. Вотчина была пожалована въ потомственное владѣніе ему, его дѣтямъ, внукамъ и правнукамъ, съ условіемъ владѣть ею до тѣхъ поръ, пока они будутъ на службѣ государевой. Въ такомъ случаѣ, владѣлецъ могъ поступать съ вотчиною по усмотрѣнію: онъ могъ ее продать, заложить, только не дарить монастырямъ.

XV.

Постройка новыхъ судовъ и приготовленія къ третьему азовскому походу. — Тогдашнее положеніе западной Европы. — Намѣреніе Петра предпринять заграничное путешествіе. — Когда и какъ возникло это намѣреніе? — Назначеніе Лефорта первенствующимъ посланникомъ. — Пребываніе посольства въ Бранденбургѣ и въ Голландіи.

Среди всѣхъ шумныхъ потѣхъ послѣ побѣдоноснаго окончанія упорной борьбы съ турками, двѣ мысли занимали Петра: мысль о дѣйствительномъ военномъ флотѣ и мысль о заграничномъ путешествіи. Рѣшеніе приступить къ сооруженію флота, который могъ бы обезпечить сдѣланное завоеваніе, царь возымѣлъ, вѣроятно, еще въ Азовѣ; но привести этотъ планъ въ исполненіе не позволяло тогдашнее финансовое положеніе Россіи, и потому придумана была слѣдующая мѣра:

4-го ноября 1696 года, въ засѣданіи думы, было постановлено, чтобы всѣ землевладѣльцы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, гостин-

(*). Въ описаніи похода боярина Шенва сказано, что этотъ начальникъ главной рати получилъ медаль въ 13 червонцевъ, бокалъ съ крышкою, кастанъ изъ золотой парчи, на соболяхъ, деньгами 150 рублей и вотчину въ 305 крестьянскихъ дворовъ; адмиралъ Лефортъ — медаль въ семь червонцевъ, бокалъ съ крышкою, кастанъ изъ золотой парчи, на соболяхъ, и вотчину въ 140 крестьянскихъ дворовъ; генералы Гордонъ и Головинъ — медали въ шесть червонцевъ, бокалы съ крышками, кастаны изъ золотой парчи на соболяхъ и вотчинныи во 100 крестьянскихъ дворовъ. Гордонъ, перечисляя награды свои и другихъ, вовсе не упоминаетъ о наградахъ, полученныхъ Лефортомъ.

пня сотни (торговое сословіе), обыватели Слободы и всѣ освобожденные отъ податей построили къ 1-му апрѣля 1698 года известное число военныхъ судовъ и снарядили ихъ всѣхъ необходимымъ. Владѣльцы 10,000 дворовъ или крестьянъ и помѣстья духовнаго вѣдомства въ 8,000 дворовъ обязывались поставить по одному военному кораблю; тѣ же, которые владѣли меньшимъ числомъ дворовъ (до ста), соединялись для постройки одного судна, а владѣльцы меньше сотни дворовъ должны были внести по полтинѣ. Гости и другіе получили повелѣніе выставить двѣнадцать военныхъ судовъ. Правительство принимало на себя выдачу лѣса и заботу о судостроителяхъ.

Немедленно было приступлено къ исполненію строгаго царскаго указа. Свѣтскіе и духовные землевладѣльцы, соединявшіеся для постройки корабля, образовывали «гуманства», которыхъ между первыми считалось восемнадцать, а между вторыми семнадцать. Самъ царь, равно и другіе члены царской фамиліи, какъ земельные владѣльцы, не составляли исключенія изъ общаго правила: они обязывались выставить до девяти судовъ. Главнымъ мѣстомъ постройки судовъ былъ назначенъ Воронежъ; окольный Протасовъ, съ новымъ титуломъ «адмиральтейца», имѣлъ надворъ за судостроеніемъ; высшее же завѣдываніе этимъ дѣломъ принадлежало адмиралу. 11-го декабря Лефортъ писалъ: «Строятся до шестидесяти судовъ, галеръ и военныхъ кораблей, которыя будутъ готовы весною 1698 года, и затѣмъ, по вскрытіи рѣкъ, присоединятся къ нашимъ тридцати галерамъ, находящимися подъ Азовомъ. Запорожскимъ казакамъ приказано идти туда же съ большимъ числомъ лодокъ, и имъ послали образцы, по которымъ должно строить суда. Я буду командовать на нихъ (на корабляхъ) тридцатью тысячами человекъ, не считая казаковъ».

Другое письмо Лефорта (отъ 22-го января 1697 года) заключаетъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія: «Всѣ корпуса получили приказаніе выступить въ походъ, кромѣ моего, потому что наши пятьдесятъ новыхъ галеръ и судовъ еще не кончены. Въ наше отсутствіе все будетъ сдѣлано, и, съ Божіею помощію, его величество будетъ имѣть на Черномъ Морѣ флотъ изъ девятидесяти большихъ галеръ и военныхъ кораблей, кромѣ двухъ сотъ, и даже болѣе, лодокъ, которыя будутъ приведены запорожскими и донскими казаками. Азовъ укрѣпленъ. Туда посылаютъ 60,000 человекъ, не считая казаковъ, для исполненія всего необходимаго. Гарнизонъ азовскій состоитъ изъ 10,000 лучшихъ войскъ».

Нелегко объяснить, почему Петръ именно въ это время, и при тогдашнихъ обстоятельствахъ, т. е. въ виду возобновленія войны съ

турками и необходимости создать новыя оборонительныя средства, возмнилъ нахѣрненіе оставить свое государство и предпринять заграничное путешествіе. Безъ сомнѣнія, онъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы выяснитъ и упрочить свои политическія отношенія къ европейскимъ державамъ; но удалиться изъ среды своего народа, зная внутреннее положеніе Россіи—это былъ шагъ не только отважный, но доселѣ неслыханный, небывалый, понятный только одному царю, ибо онъ зналъ чего хотѣлъ. Даже внѣшнія обстоятельства не благопріятствовали, повидимому, осуществленію гениальнаго плана молодого монарха. Европейская война еще продолжалась, несмотря на обезсиленіе Франціи, и Петръ, конечно, понималъ, что, въ случаѣ возобновленія имъ борьбы съ турками, тогдашнія отношенія воевавшихъ державъ не останутся безъ вліянія на нее. По ибръ того, какъ война между швецкою имперіей и Портою становилась упорнѣе, усиливались въ Константинополѣ и въ Польшѣ французскія интриги, издавна направленные противъ Россіи. Чтобы вѣрнѣе поддержать своихъ любезныхъ мусульманъ въ борьбѣ съ православнымъ царемъ, Людовикъ XIV долго, хотя и напрасно, старался отторгнуть короля Яна Собіесскаго отъ союза съ римскимъ императоромъ и побудить его къ дружбѣ съ турками и татарами, и только смерть Яна (17-го іюня 1696 года) приблизила французскаго короля къ желанной цѣли. Вопросъ о выборѣ новаго «круля» раздѣлялъ Польшу, по обыкновенію, на множество враждебныхъ партій, чѣмъ и воспользовался ловкій и хитрый французскій посланникъ, аббатъ Полиньятъ, чтобы предложить новаго кандидата на престолъ Рѣчи Посполитой, именно Франсоа-Луи Конти, племянника знаменитаго Конде. Этотъ вопросъ, оставшійся нерѣшеннымъ на сеймѣ де мая слѣдующаго года, крѣпко занималъ Петра, который очень хорошо понималъ что значило имѣть возлѣ Россіи государство, подписанное Франціею; но воспрепятствовать замысламъ Людовика XIV онъ не могъ, по недостатку средствъ и людей. Вотъ почему онъ рѣшился войти въ прямыя дипломатическія сношенія съ дружественными державами, и въ первый разъ отправить такое посольство, которое могло бы достойнымъ образомъ представлять Россію.

Съ этимъ великимъ предпріятіемъ Петръ соединялъ, какъ известно, и другія цѣли. Пользуясь имъ, онъ хотѣлъ доставить многимъ своимъ подданнымъ случай побывать въ чужихъ странахъ, и самъ рѣшился, включивъ себя въ число членовъ посольства, выѣхать частнымъ человекомъ за предѣлы своего царства, посѣтить различныя государства и такимъ путемъ пройти новую школу опыта и

жизни. «Jl s'est dépaycé», говоритъ Наполеонъ I, «pour se déli-
vrer quelque temps de la couronne, pour apprendre la vie or-
dinaire et remonter par degrés à la grandeur» (*).

Когда въ умъ Петра возникла мысль предпринять путешествіе за
границу?... Вопросъ стоитъ изслѣдованія.

Тотчасъ по возвращеніи Лефорты изъ похода, когда Петръ еще
былъ на тульскихъ желѣзныхъ заводахъ, Францъ Яковлевичъ писалъ
матери своей въ Женеву (25-го сентября): «Здѣсь говорятъ о пред-
полагаемомъ путешествіи; если оно состоится, я буду счастливъ: я
еще разъ могу обнять васъ, испросить прощенія за все, мною про-
тивъ васъ сдѣланное, и увѣрить васъ, что я и впредь буду стре-
миться доказать вамъ, что во всю мою жизнь буду покорѣйшимъ
слугою и сыномъ». Двѣ недѣли спустя, когда Петръ, со своею «ком-
паніей», опять сталъ ѣздить въ Нѣмецкую Слободу, Лефортъ писалъ
старшему брату (9-го октября): «Еще недостовѣрно, но я надѣюсь,
если будетъ угодно Богу, предпринять путешествіе въ Голландію.
Племянникъ мой, вашъ сынъ, будетъ сопутствовать мнѣ....» Съ тою
же почтою племянникъ Петръ, постоянно мечтавшій, какъ выше бы-
ло говорено, о путешествіи въ Китай, сообщалъ своему отцу, что
оставилъ этотъ планъ по многимъ причинамъ, преимущественно «по
поводу отъѣзда дяди въ ваши страны». — «По этой причинѣ», про-
должаетъ Петръ Лефортъ, «я просилъ его взять меня съ собою и
дать мнѣ какую-нибудь должность. Онъ надѣется выѣхать нынѣш-
нею зимою. Еще не знаю, какой титулъ будетъ имѣть онъ. Съ нимъ
отправятся и нѣкоторые русскіе князья....»

Оба письма, писанныя въ одинъ и тотъ же день, несогласны
между собою относительно путешествія Лефорты. Самъ онъ вырази-
лся кратко, неопредѣленно, какъ бы таинственно, а племянникъ не
только считалъ путешествіе дѣломъ рѣшеннымъ, но указалъ даже на
форму, въ которой оно потомъ состоялось. Если Лефортъ, въ письмѣ
къ матери, употребилъ выраженіе «здѣсь говорятъ», то, судя по
прежнимъ примѣрамъ, выраженіе это должно имѣть тѣсное соотноше-
ніе съ Петромъ. Кто же въ Москвѣ или въ Нѣмецкой Слободѣ могъ
говорить о задуманномъ путешествіи, когда царь, со своею свитою,
еще не пріѣзжалъ? Надобно, слѣдовательно, допустить, что Лефортъ
уже прежде, именно подъ Азовомъ, имѣлъ разговоръ объ этомъ съ ца-
ремъ, и что, употребляя слово: «говорять», намекалъ на то, что бы-

(*) „Онъ отправился на чужбину, чтобы сложить съ себя на нѣкоторое вре-
мя царскій вѣнецъ, изучить обыкновенную жизнь и постепенно дойти до вели-
чія“. См. Вильмена „Souvenirs“ etc. I, 228.

но известно ему одному и того онъ не считалъ себя въ правѣ высказать....

И такъ, по всей вѣроятности, подъ Азовомъ, на своей галерѣ, въ виду непріятельскаго флота, Петръ возымѣлъ первую мысль о заграничномъ путешествіи, отчасти съ цѣлю удовлетворить вообще своей любознательности, отчасти и для изученія кораблестроительнаго искусства, какъ главной основы упроченія владычества на Черномъ Морѣ, ибо, въ то время, даже турецкія суда были лучше русскихъ. Но при этомъ планы гениальнаго царя тотчасъ же расширились. Помысливъ единственно о благѣ своего народа, онъ хотѣлъ взять съ собою, въ качествѣ соучениковъ, известное число молодыхъ способныхъ людей. Какъ, однако, было осуществить такую мысль? Затрудненія граничили почти съ невозможнымъ. Начать съ того, что было дѣломъ неслыханнымъ и опаснымъ оставить царю свое царство, а потомъ наваломъ еще непонятнѣе, чтобы вѣнчанный царь могъ учиться у чуждыхъ народовъ кораблестроенію и морскому дѣлу... И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, надлежало предпринять путешествіе подъ покровомъ строжайшаго инкогнито. Но и эта мѣра была сопряжена съ препятствіями: въ какой формѣ присутствіе владыка Россіи за границей могло оставаться неизвѣстнымъ и неоткрытымъ?

Нѣтъ сомнѣній, что неопредѣленные и темныя намеренія о предстоящемъ путешествіи Лефорта имѣли тѣсную связь со всеми этими соображеніями. Онъ былъ, статься можетъ, единственный человѣкъ, знавшій сокровенныя желанія царя, и навѣрное ему поручилъ Петръ осуществить мысль. Если же отправленіе большаго политическаго посольства, въ главѣ котораго долженъ былъ стоять Лефортъ, съ многочисленною и блестящею свитою, признано было средствомъ дать царю возможность объѣхать различныя земли въ числѣ членовъ свиты, то этимъ объясняется многое, и становится понятнымъ, почему, въ началѣ октября, Лефортъ не могъ сообщить ближайшихъ свѣдѣній о своемъ путешествіи, а племянникъ его говорилъ уже о титулахъ и о должностяхъ. Не ранѣе, какъ чрезъ два мѣсяца, въ письмахъ Франца Яковлевича (отъ 11-го декабря) заключаются точныя извѣстія о планѣ посольства. Онъ писалъ брату: «Здѣсь есть новость, которая удивитъ васъ. Отсюда отправляется, около марта, большое посольство въ Швецію, въ Данію, въ Бранденбургъ, въ Англію, въ Голландію, въ Италію и даже къ папѣ. Еще никогда не бывало такого посольства. Его величеству было угодно назначить меня первенствующимъ посланникомъ. Вторымъ назначенъ храбрый генераль,

вѣдѣвшій посломъ въ Китай. Третій есть государственный канцлеръ и думный дворянинъ, разъ двадцать посланный въ различныя страны, имя его Прокофій Богдановичъ Вовницынъ, а имя втораго посла Федоръ Алексѣевичъ Головинъ. Всѣ распоряженія уже сдѣланы. Свита моя будетъ состоять почти изъ двухъ сотъ человекъ, и я постараюсь, чтобы на насъ не жаловались такъ, какъ на другихъ (т. е. прежнихъ посланниковъ). Я запрещаю, подъ страхомъ строго наказанія, чтобы кто-нибудь бралъ съ собою товары для продажи (*). Что касается чрезвычайныхъ подарковъ, то я уже имѣю ихъ много и ожидаю еще другихъ. Со мной поѣдутъ до двѣнадцати выбранныхъ мною придворныхъ кавалеровъ, нѣмецкіе или иноземные офицеры, г. Дюхарси, подполковникъ, и г. Кулонъ, также подполковникъ; кромѣ того, шесть пажовъ, четыре парикма, двадцать диврейныхъ служителей, которые будутъ одѣты богато; пять трубачей, музыканты, пасторъ, врачи и хирурги, да рота превосходно снаряженныхъ солдатъ. Вашъ сынъ, мой племянникъ, отправляется со мною. Такъ какъ я долженъ проѣзжать въ медальномъ разстояніи отъ Женевы, то можетъ случиться, что я буду имѣть счастье повидаться съ вами и со всѣми милыми родными».

Далѣе Лефортъ извѣщаетъ, что царь Петръ рѣшился (какъ упомянуто выше) взять съ собою за границу нѣсколько своихъ подданныхъ. Съ этою цѣлію онъ дѣлалъ смотръ всѣмъ молодымъ дворянамъ, которые состояли при покойномъ братѣ его, царѣ Иванѣ, спальниками и занимали такую же должность и при Петрѣ. Изъ нихъ царь выбралъ шестьдесятъ, назначивъ, чтобы сорокъ ѣхали въ Италію (въ Венецію), для изученія искусства управлять гребными судами (галерями), а остальные двадцать въ Голландію, для ознакомленія съ военно-морскою частію. Завѣдываніе всѣмъ этимъ дѣломъ было поручено Лефорту.

6-го декабря былъ обнародованъ изъ Посольскаго Приказа указъ, возвѣщавшій о большой мисіи въ различныя государства, съ цѣлію: скрѣпить прежнюю дружбу и любовь по дѣламъ касавшимся всего христіанства, къ ослабленію враговъ святаго креста, турецкаго султана, крымскаго хана и всѣхъ языческихъ ордъ и къ лучшему пріуславленію всѣхъ христіанскихъ державъ. Маршрутъ, въ это время, еще не былъ назначенъ, ибо объ участіи Петра въ путешествіи не заходило и рѣчи: оно должно было оставаться совершенною тайною;

(*). Рѣчь идетъ о русскомъ посольствѣ, отправленномъ, подъ начальствомъ князя Я. О. Долгорукаго, къ Людовику XIV въ 1687 году, и о продажѣ въ Парижѣ маховъ и шаровъ.

никто не смѣлъ говорить, тѣмъ менѣе писать объ этомъ. Управлявшій почтами, думный дьякъ Виниусъ, получилъ строгій приказъ бдительно смотрѣть за тѣмъ, чтобы ни одного письма не попало за границу, съ извѣстіемъ о драгунствѣ царя въ досолдатовѣ. Сдѣланы были также распоряженія, чтобы въ письмахъ къ его величеству отнюдь не упоминалось о немъ, какъ о царѣ; онъ требовалъ, чтобы къ нему обращались просто какъ къ «Петру Михайлову», и на это нѣя дознанія были отправляться всѣ письма.

Но между тѣмъ какъ въ Россіи, быть можетъ, никто еще не зналъ, что царь намѣренъ ѣхать за границу, извѣстіе о томъ уже достигло Амстердама: здѣсь, въ половинѣ января 1697 года, получено было письмо, уведомлявшее о намѣреніи Петра. Амстердамскій негодянтъ Туртонъ, всегда слѣдившій за событіями въ Россіи, сильно интересованнійся Петромъ и его любимцемъ и получавшій дѣрзныя политическія извѣстія изъ всѣхъ странъ, писалъ Ами Дефорту (2-го февраля): «Что касается господина генерала, то я могу только говорить о его путешествіи, которое мнѣ не по вкусу (*de mon goût*); но я сообщу вамъ новость, которая, если подтвердится, будетъ изумительна (*surprenante*): самъ царь приметъ участіе въ путешествіи инкогнито. Подумайте: можетъ ли онъ оставить свое государство при настоящихъ обстоятельствахъ? Но такъ писали мнѣ изъ Москвы; братъ же вашъ не упоминаетъ о томъ ни слова. Я не премину, при первомъ случаѣ, который, надѣюсь, встрѣтится завтра или сегодня, побесѣдовать съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Я уже писалъ господину генералу, чтобы, во время его путешествія, не отходили Азова, ибо, какъ увѣряютъ, турки дѣлаютъ большія вооруженія противъ Россіи, а у нихъ войско лучше, чѣмъ у московитовъ. Конечно, если царь самъ приметъ участіе въ путешествіи, то для генерала это будетъ счастіемъ. Я опасаясь только, чтобы не встрѣтилось недостатка въ деньгахъ, чтобы въ государствѣ не вспыхнула мятежь, или чтобы орды турокъ или татаръ не воспользовались отсутствіемъ царя. Если онъ не предприметъ путешествія, то, кажется мнѣ, это будетъ наилучшее. Надѣбно надѣяться, что Всемогущій Богъ устроитъ все дѣла по желанію».

Даже императоръ Леопольдъ очень скоро узналъ царскую тайну: тотчасъ по отбытіи посольства изъ Москвы, его извѣстии о намѣреніяхъ Петра, 28-го марта, австрійскій агентъ въ Москвѣ, Отто Плейбаръ, писалъ: «Но причинъ отсутствія царя, не имѣю о томъ увѣдомлять, ибо онъ лично находится въ посольствѣ и подаетъ»

послать большую часть дворовъ въ Германию, но бiero возвраща-
тятся» (*).

Международныя отношенія, совместная борьба русскаго царя и римскаго императора съ турками, обуславливали, чтобы посольство отправлялось прежде всего къ вѣнскому двору, для заключенія оборонительнаго и наступательнаго союза. Въ такомъ смыслѣ писали въ Женеву самъ Лефорть и иезиминникъ его, отъ 22-го января. Последній прибавилъ: «Отсюда (изъ Москвы) мы поѣдемъ въ Вѣну къ его императорскому величеству, а изъ Вѣны, смотря по ходу дѣлъ, въ Венецію и въ Римъ». 25-го того же мѣсяца изготовлено было царское письмо, съ формальнымъ повѣщеніемъ о посольствѣ, къ императору Леопольду, посланное съ майоромъ Преображенскаго полка Адамомъ Вебде.

Внутренній дѣла государства Петръ устроилъ на время своего отсутствія такимъ образомъ, что три боярина, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ и князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій, были облечены правомъ рѣшенія по всемъ вопросамъ юридическимъ, военнымъ и посольскимъ, а князь-кесарь Рикодановскій обязывался блюсти за спокойствіемъ и безопасностію Москвы. Затѣмъ царь сдѣлалъ распоряженія къ походу для обезпеченія Азова и противъ Крыма, и опредѣлялъ порядокъ исполненія фортификаціонныхъ работъ на той и на другой сторонѣ. Посланы были два корпуса или двѣ рати: московская, подъ начальствомъ Шенна, помощникомъ котораго былъ генералъ Гордонъ, и бѣлгородская, подъ командою князя Якова Федоровича Долгорукаго, съ участіемъ казаковъ. Стрѣлціе полки были двинуты на югъ; на литовской границѣ поставлены наблюдательный корпусъ.

Когда уже былъ назначенъ день отъѣзда, случилось событіе, едва не кончившееся печальнымъ образомъ. «23-го февраля», отмѣтилъ Гордонъ въ своемъ «Дневникѣ», «былъ я у генерала Лефорта, гдѣ предполагалось провести вечеръ съ удовольствіемъ; но все рушилось вслѣдствіе открытія заговора противъ его величества». История этого покушенія на жизнь Петра извѣстна: три главные заговорщики, Циклеръ, Соковнинъ и Федоръ Пушкинъ, немедленно подвергнутые суду бояръ, были казнены 4-го марта.

9-го марта, достопамятное посольство, собиравшее почти изъ двухъ сотъ пятидесяти человекъ, приготовилось, наконецъ, пуститься въ дальній путь. Всѣ путешественники собрались отобѣдать у

(*) Делепа Плейера шифрованная. Она хранится въ австрійскомъ государственномъ архивѣ.

Дефорта; отсюда, оставшіеся въ Москвѣ, приверженцы царя провожали его, за пятнадцать верстъ, отъ столицы, до села Никольскаго.

Многочисленный составъ посольства былъ замѣчательнъ. Каждый изъ трехъ посланниковъ имѣлъ свою отдѣльную свиту. Подобно тому, какъ Дефортъ назначилъ первыми лицами своей свиты родственника (племянника) и близко-извѣстныхъ ему офицеровъ своего полка, и два другіе посла сдѣлали тоже самое. Взятые имъ дворяне, въ томъ числѣ именитые, отправлялись въ заграничное путешествіе по собственному желанію. Самъ царь включилъ себя въ число такихъ волонтеровъ: это были, болѣею частью, его старые товарищи, извѣстные бомбардиры, его снугіи на бревнѣ, подъ и его сотрудники на корабельной верфи, люди, на которыхъ онъ могъ положиться, и которые, въ свою очередь, готовы были содѣйствовать его стремленіямъ, имѣли охоту, подобно ему, учиться. Изъ нихъ Петръ выбралъ болѣе способныхъ и даровитыхъ, именно: Александра и Гавріила Мещниковыхъ, Ѳадора Плещеева, Гавріила Кобылина, Осѣна Звѣреда, сына князя Бориса Голицына, одного изъ Нарышкиныхъ, двухъ Головиныхъ, сына бывшего царя Черетинскаго, царевича Александра Арчиловича. По примѣру другихъ, царь, подъ именемъ Петра Михайлова, подчинилъ себя «командору» въ лицѣ князя Андрея Михайловича Черкапскаго, и раздѣлилъ всѣхъ волонтеровъ на три десятка, управляемые десятниками. Взявъ себѣ второй десятокъ, онъ постоянно мазывался десятникомъ, и только подъ этимъ наименованіемъ значится въ путевомъ журналѣ, который былъ веденъ во все время пребыванія за-границею.

Ни предѣлы журнальной статьи, ни самая цѣль ея, не позволяютъ вдаваться въ подробности многознаменательнаго путешествія; мы должны ограничиться общими указаніями и будемъ останавливаться преимущественно тамъ, гдѣ выдается личность Дефорта.

Такъ какъ, по тогдашнимъ политическимъ отношеніямъ, надлежало оставить въ сторонѣ польскую территорію, то посольство, имѣвшее назначеніемъ ѣхать въ Вѣну, принуждено было избрать путь на сѣверъ, чрезъ Лифляндію и Курляндію.

Въ Ригѣ посольство было встрѣчено шведскими властями недружелюбно; за то въ Митавѣ, владѣтельный герцогъ курляндскій, Фридрихъ-Казимиръ, приготовилъ гостямъ не только радушный, но и великодушный приемъ. Это былъ тотъ герцогъ, который, сражаясь за голландцевъ противъ французовъ, велъ пѣкотогда веселую боевую жизнь, и при которомъ юноша Дефортъ состоялъ въ качествѣ волон-

тера или, скорѣе, друга. 14-го апрѣля, послѣ торжественнаго въѣзда въ Митаву и послѣ официальной аудіенціи у герцога, Лефортъ, какъ первенствующій посланникъ, имѣлъ съ нимъ частное свиданіе и сообщил о присутствіи царя, который, затѣмъ, самъ посетилъ инкогнито герцога и герцогиню, въ сопровожденіи Лефорта. Восемь дней пребыло посольство въ главномъ городѣ Курляндіи и отсюда должно было отправиться въ Кенигсбергъ, ко двору курфюрста Бранденбургскаго. Петръ желалъ совершить часть пути водою, по Балтійскому Морю, которое теперь увидѣлъ впервые, и потому поѣхалъ въ Дибаву, откуда, съ волонтерами, намѣревался отплыть въ Пиллау, прусскую крѣпость при Фришъ-Гафѣ; все же прочіе имѣли двинуться сухимъ путемъ. 7-го (17-го) мая царь достигъ Кенигсберга и чрезъ два дня отдалъ визитъ курфюрсту; хотя и инкогнито, но оно уже было открыто еще до пріѣзда царя; посольство же прибыло только на одиннадцатый день и имѣло торжественный въѣздъ, отличавшійся необыкновеннымъ блескомъ и пышностію. Несмотря на самыя разнообразныя увеселенія и развлеченія, которыми курфюрстъ старался угодить царственному гостю, Петръ, въ продолженіе почти цѣлаго мѣсяца, проведеннаго въ Кенигсбергѣ, находилъ время посвящать свои досуги серьезнымъ занятіямъ, преимущественно изученію артилеріи, подъ руководствомъ прикомандированнаго къ нему главнаго инженера прусскихъ крѣпостей; Штейнера фонъ-Штерифельда, который прошелъ съ нимъ теоретическій и практическій курсъ этой науки. До сихъ поръ сохранился аттестатъ, выданный имъ «Петру Михайлову», въ приобретенныхъ царемъ свидѣніяхъ (*).

Въ курфюрстѣ Фридрихѣ III Петръ нашелъ тѣмъ большую готовность заключить союзъ противъ турокъ, чѣмъ согласіе были ихъ взгляды на политику французскаго двора, поддерживавшаго султана, и потому уже 12-го (22-го) іюня былъ заключенъ договоръ между Россіей и Пруссіей, для скрѣпленія старинной взаимной дружбы и любви. Столь же согласно смотрѣла оба государя и на тогдашній дѣла въ Польшѣ, имѣя въ виду не допустить до избранія на польскій престолъ француза, противникомъ котораго явился курфюрстъ Саксонскій, Фридрихъ-Августъ. Когда этотъ послѣдній овладѣлъ Краковомъ, Петръ, находившійся въ Колабергѣ, написалъ ему собственноручное письмо (помѣченное изъ Москвы), въ которомъ поздрав-

(*) Этотъ документъ, писанный на нѣмецкомъ языкѣ, на пергаментѣ, былъ доставленъ Петру только 2-го сентября 1698 года. Онъ хранится въ кабинетѣ Его Императорскаго Величества. Некоторые изъ волонтеровъ были оставлены Петромъ въ Кенигсбергѣ, для изученія артилерійской науки.

заялъ это и просилъ объявить польскому сейму, что «если французскій принцъ будетъ провозглашенъ польскимъ королемъ, то безъ войны, со стороны Россіи, не обойдется».

Высокое уваженіе и отличія, оказанныя Фридрихомъ III Лефорту, переговоры, веденные Францомъ Яковлевичемъ съ прусскимъ министромъ Данкельманомъ и постоянная съ нимъ переписка, свидѣтельствуютъ, что былъ руководителемъ дипломатическихъ совѣщаній. Конечно, Петръ самъ принималъ живое участіе въ политикѣ и давалъ ей желаемое направленіе; но фактически завѣдывающею частію принадлежало, безспорно, не кому иному, какъ первостепенному посланнику.

По случаю польскихъ дѣлъ, Петръ, выѣхавъ изъ Кенигсберга, пролежалъ въ Нилау три недѣли. Прямой путь въ Вѣну, гдѣ уже были сдѣланы большія приготовленія къ приему новодѣльца, царь оставилъ и рѣшился ѣхать въ Голландію, тѣмъ болѣе, что нашъ посланникъ при императорскомъ дворѣ уже заключилъ оборонительный и наступательный союзъ (29-го января 1697); кромѣ того Петръ полагая, на случай продолженія войны съ Портою, позаботиться предварительно о своемъ флотѣ; наконецъ, ему хотѣлось быть поближе къ тому мѣсту, гдѣ христіанскія державы совѣщались тогда между собою о всеобщемъ мирѣ, т. е. къ Рейсвику. Посольство такъ торопилось, что, не останавливаясь въ Берлинѣ, продолжало путь, чрезъ Шпандау, Бранденбургъ, Магдебургъ и Гальберштадтъ, къ Милдену.

Что ли генераль Лефортъ, ни немцы ни французы до сихъ поръ ничего не писали въ Женеву о присутствіи царя въ посольствѣ; это объясняется волею Петра: онъ все еще думалъ, что можетъ сохранить свое инкогнито; давно уже опархатов. Но когда посольство прибыло, 16-го (26-го) августа, въ Амстердамъ, то въ Женевѣ узнали и о таинственной личности, скрывавшейся въ средѣ московской мисіи. Петръ Лефортъ писалъ (3-го сентября) своему отцу: «Я сожалѣлъ, что не могъ сообщить вамъ все подробности нашего пребыванія въ Кенигсбергѣ; такъ какъ было строго запрещено упоминать о томъ. Теперь я въ Голландіи, откуда писемъ, надеюсь, дойду до Женевы исправно, и потому, не подвергая себя опасности, хочу сообщить вамъ, что osoba, о которой вы говорите, действительно находится съ нами и что это дѣло уже весьма извѣстное. Мы употребили все усилія скрывать тайну, но это было почти невозможно. Нынѣ мы не колеблемся прямо объявлять о томъ нашимъ друзьямъ. Слухъ распространенъ въ такой степени, что народъ, завидувъ кого-нибудь изъ московитовъ, сбѣгаетъ, въ надеждѣ, что это его царь».

свое владычество. Въ посланиихъ боятся за государя, и потому смущены (*sont embarrasés*); они желали бы, чтобы царь былъ въ своей землѣ, но это невозможно: онъ слишкомъ большой любитель (*amateur*) чужихъ земель (*des pays extraordinaires*), чтобы говорить о своемъ возвращеніи. Здѣсь, въ Голландіи, обнаружено пожеланіе, чтобы, подъ страхомъ тяжелой денежной цѣни, не печатались въ газетахъ никакихъ извѣстій съ упоминаемъ имени его царскаго величества. Надѣюсь, что впредь этого не случится».

Что касается Франца Яковлевича Лефорта, то онъ находился теперь въ странѣ, гдѣ довольно долго жилъ, безвѣстнымъ и безпомощнымъ юношей, передъ отъѣздомъ въ Россію, и гдѣ теперь встрѣтилъ родныхъ и друзей, которые живо и искренно интересовались имъ, но разлучали его имени съ именемъ его царственного друга и, имѣя постоянныя письменныя сношенія съ Женевою, сообщали туда вѣсти о сѣверныхъ гестахъ. Кроме того, въ Амстердамъ скоро пріѣхали братъ и два племянника женеваго гражданина, вознесеннаго на высшую ступень земнаго счастья. И они писали своимъ роднымъ обо всемъ, что видѣли, слышали и переживали.

Прежде чѣмъ русское посольство отправилось въ Антверпенъ, Петръ, взявъ съ собою небольшую свиту, поспѣшилъ, чрезъ этотъ городъ, въ Саардамъ или Саандамъ, гдѣ провелъ восемь дней и, своимъ пребываніемъ, на-вѣнъ обезсмертилъ это мѣстечко. Отсюда, 15-го (25-го) августа, онъ возвратился къ своимъ въ Амстердамъ. Здѣсь не знали, какъ достойнымъ образомъ чествовать царя; празднествамъ, увеселеніямъ и развлеченіямъ не было, повидимому, конца, что, однако, не мѣшало вѣнценосному работнику развивать, въ широкихъ размѣрахъ, свою плодотворную дѣятельность. Въ этомъ отношеніи, существенныя услуги оказалъ царю, равно, искренне преданный и ему, и его верховствующему министру, бургомистръ Витсенъ, который не только пользовался въ своемъ городѣ высокимъ уваженіемъ, но былъ дѣйстви- и въ болѣе обширныхъ кружкахъ, какъ знатокъ и любитель наукъ и искусствъ. Ему первому Петръ открылъ въ Амстердамѣ свое инкогнито. Витсенъ, обладавшій теоретическими знаніями въ кораблестроеніи, хорошо знакомый съ законами судоходства и имѣвшій коллекцію моделей, тотчасъ же вызвался быть руководителемъ царя по этимъ предметамъ. Какъ одинъ изъ директоровъ остъ-индской компаніи, онъ преимущественно содѣйствовалъ исполненію желанія Петра, работать на верфи этой компаніи, надъ постройкою корабля; чрезъ его же посредство царственному плотнику отведена была особая квартира въ «арсеналахъ» или въ «ма-

разналь» компаніи, откуда отъ старшей, никѣмъ, незамѣченной, свѣщаль въ тяжелымъ практическимъ занятіямъ и, возвратясь, имѣла ружью работу на изученіе пертшей, планы, и на вычисленія, къ радости дяди, Жорже Лефорты, въ это время, было весьма удовлетворительно. Предметныи Фрида Явонквичи, Петръ, завѣщая о томъ своего отца (въ свѣдѣніи отъ 3-го сентября), коснулся и одного мунета, который такъ часто выдвигается историками на первый планъ въ жизнеиспаненятаго монарха. Онъ писалъ: «Не могу вообразить себѣ, кто наговорилъ вамъ о генералѣ, моемъ дядѣ, будто выи предаются большимъ влашествомъ: (si grandee débauchés). Я не досаду, что вы знаете это въ известной фирмѣ; но вамъ передали не такъ: я убавдець, что вѣяное дѣло провелаваць вдвое или втрое. Иногда это случалось, но же постоянно, а теперь и севетиъ кончилось; только куренеъ табаку продолжаетъ по прожанму; впротемъ дядя начинаеть отвыгать и отъ него, когда находится въ обществѣ. Не вѣдь яа, полагаю, не бѣте кааъ привычка, а не дѣло могущее вродити аго здоровья».

Здѣсь будеть остави сказать вѣселоко савѣ о молодожѣ чело-вѣкѣ, котораго, по отамву одного амстаркмоаго корреспондента, «генераль» высока дѣнлаъ, и который, «справдасй (своей) молодости, были разуменъ и хорошаго поведенія». Получивъ званіе секретаря доарльства вни въ Ригѣ, Петръ Лефорть играаъ въ Кенигсбергѣ, при коржественной аудіенціи, а такую роль, что его имя вѣдрѣчалось въ газетахъ всакой разѣ по поводу этого события. О своемъ наложкии и о сваяхъ занятіяхъ въ Амстердамѣ, онъ писалъ отцу, что, будучи секретаремъ посольства, онъ, вѣдѣть отъ тѣмъ, завѣдывааъ всѣмъ домоу дяди. Эта обязанность, по его словамъ, была сопряжена съ большимъ хлопотами (fatigues). «Могу сдззати такъ бѣезъ хвастовства, ибо въ нашей свѣтъ нѣтъ никого, кто согласился бы жеренести ихъ; но хлопоты завлаоаютъ не въ устройствѣ до-поеаъ или радуга, такъ вы, шикеть быть, воображаете, а въ вѣзитахъ и во многихъ другихъ вѣщахъ, неразлучныхъ съ нашимъ положе-ніемъ. И тутъ еще нѣтъ большаго труда, такъ какъ я, въ известной степени, удовлетворяю моихъ господъ посланниковъ; но голландцы такая нація, которая много думаетъ о себѣ и отъ которой много приходится терпѣть».

Петръ Лефорть пишетъ дааѣе, что, вѣкорѣ по прибытіи русскаго посольства въ Амстердамъ, уже говорилъ о свиданіи Петра съ англійскимъ королемъ Вильгельмомъ III (изъ дома Оранскаго), который, по поводу заключенія общаго мира, жилъ тогда въ своихъ наследствен-

ныхъ земляхъ (т. е. въ Нидерландахъ), въ земляхъ Лео. Свиданіе это обуславливалось политическими причинами: представители европейскихъ державъ, собравшіеся въ Рейсвикъ, были, въ это время, еще далеко отъ цѣли, потому что императоръ Леопольдъ не принималъ предложенныхъ ему Франціей надменныхъ условий; русская же политика интересовалась тѣмъ, чтобы римская имперія получила ширь на западъ и могла свободно дѣйствовать на востокъ противъ враговъ христіанства. А такъ какъ царь заботился преимущественно о заключеніи общаго союза противъ османовъ, то никто лучше короля англійскаго не могъ помочь ему въ томъ словомъ и дѣломъ. 28-го августа (9-го сентября), Петръ, въ сопровожденіи только Дефорты и бургомистра Витена, ѣдучъ въ Утрехтъ, для тайныхъ переговоровъ съ Вильгельмомъ.

17-го (27-го) сентября посольство имѣло торжественный въѣздъ въ Гаагу. На другой день, секретарь посольства былъ отправленъ къ находившимся въ городѣ чрезвычайнымъ уполномоченнымъ, съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ русскихъ посланниковъ и для врученія имъ карточки первенствующаго посла, съ полнымъ его титуломъ (*). Ему, однако, было рѣшительно воспрещено являться къ посланникамъ Франціи (**). Торжественная аудиенція состоялась 22-го сентября (4-го октября) въ аудіенцъ-залѣ, гдѣ собралось около восьми чиновъ нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ: «Генераль Дефортъ, занявъ мѣсто за столомъ насупротивъ президента, произнесъ (на голландскомъ языкѣ) рѣчь, передалъ гранду его царскаго величества и вручилъ подарки, состоящіе изъ собольихъ мѣхачъ. Затѣмъ говорилъ рѣчь, на русскомъ языкѣ, второй посланникъ; онъ объяснилъ цѣль посольства (***)».

Въ первый разъ Россія, представляемая этими посольствомъ, выступала теперь какъ европейская держава, являясь въ средѣ знаменитыхъ дипломатовъ Европы, собравшихся въ Гаагѣ или въ Рейсвикѣ, для заключенія общаго мира. Посольство должно было возбудить

(*) „Sou Excellence Monseigneur Lefort, général des gardes et de l'infanterie de Leurs Majestés czariennes, amiral de ses flottes, président de tous ses conseils vice-roi du grand duché de Novgorod, ambassadeur extraordinaire et plénipotaire aux principales cours de l'Europe“.

(**) „Moscovie n'a rien à faire avec la France“, писалъ Петръ Дефортъ. Французскими уполномоченными на рейсвикскомъ конгрессѣ были: де-Гарль Боннелъ, Вержюсъ де-Креси и де-Каліеръ.

(***) Петръ Дефортъ, державши царскую грамоту, прибавляетъ, что „генераль былъ одѣтъ по-русски (à la façon du pays), равно и оба другіе посланника; все трое были въ кафтанахъ изъ золотой и серебряной парчи, съ богатыми бриллиантовыми застежками (agrafes)“.

тѣмъ большее вниманіе, что представители его, по повелѣнію своего монарха, впервые предложили Царской волѣти самыя тонныя, самыя опредѣлительныя вопросы, касающіеся Востока и, въ частности, заявивъ волю царя: «не допускать на польскій престолъ никакого французскаго принца». Неужно, кажется, пояснять, что изъ трехъ русскіхъ посланниковъ могъ разрѣшить удовлетворительно столь трудную задачу тотъ, кому Петръ довѣрилъ свои современнѣйшія планы и стремленія и кто, бывъ европейски-образованнымъ человекомъ, обладалъ тонкими дипломатическими талантами и отличался неутомимой дѣятельностію. «Удивляюсь», писалъ изъ Гааги въ Женеву одинъ старинный знакомецъ тамошняго Лефортова, «какъ генералъ выдерживаетъ (образъ жизни въ Гаагѣ) при маломъ отдохновеніи и при стѣхъ непрестанныхъ затрудненіяхъ, съ которыми онъ долженъ бороться. Онъ служитъ предметомъ удивленія всей страны и о немъ отзываются съ подобающимъ его сану уваженіемъ».

Царское посольство оставалось въ Гаагѣ до заключенія рейсвикскаго мира, послѣ чего Петръ возвратился въ Амстердамъ къ своимъ кораблестроительнымъ работамъ. Между тѣмъ, полученныя изъ Польши вѣсти хотя и очень встревожили царя, но за то побудили его къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Говорили, что принцъ Конти прибылъ, со многими кораблями, въ окрестности Данцига, бросилъ якорь въ гавани Оливы и здѣсь навѣривался выждать прихода общенныхъ ему поляками войскою, чтобы выступить противъ своего противника, Фридриха-Августа. Саксонскій посланникъ имѣлъ, по этому случаю, совѣщаніе съ Лефортомъ, о которомъ Францъ Яновичичъ писалъ своему брату (отъ 8-го октября): «Что касается принца Конти, то дѣла (les affaires) идутъ не къ лучшему; но, чтобы помочь тому (un témédier), третьяго дня отправилась знатная особа, принадлежащая къ саксонскому посланнику, съ открытымъ письмомъ (une lettre ouverte), подъ большою царскою печатью, врученнаго ему личною. Содержаніе письма состоитъ въ томъ, что его царское величество имѣетъ невременное повелѣніе (ordre absolu) употребить для защиты его саксонскаго величества наши войска, расположенныя на границѣ, въ числѣ 60—70,000 отличныхъ солдатъ, а если этого числа окажется недостаточно, то вслѣдствіе будетъ приказаніе двинуть еще другой корпусъ въ 40,000 человекъ. Не думаемъ, чтобы принцъ Конти былъ смѣлъ».

Въ вѣдѣніи тѣхъ случайности, которыя могли бы возникнуть для Россіи вслѣдствіе избранія въ Польшѣ разомъ двухъ кораблей, Петръ еще въ Польборгѣ обратилъ вниманіе на своего съверь-западнаго соседа.

Нелегко было предвидеть и определять, какую сторону примет шведское правительство на дѣлахъ Речи Посполитой; но слышимъ, хорошо было извѣстно, что Бетюнъ, французскій посолъ въ Варшавѣ, интриговалъ со Швеціей противъ Россіи, еще недавно ѣздивъ въ Стокгольмъ, чтобы убѣдить короля Карла XI въ необходимости отдѣлать Польшу отъ союза съ германскимъ императоромъ и завязать миръ съ турками и съ татарами. Потому-то Петръ и хотѣлъ теперь удостовѣриться, какою политическою системою будетъ держаться недавно воцарившійся молодой Карлъ XIII; намѣрился ли онъ строго соблюдать варшавскій договоръ, и каково значеніе будетъ имѣть этотъ договоръ относительно борьбы съ турками и дѣйствій въ Польшѣ? Царь поручилъ Лефорту съестись со шведскимъ канцлеромъ графомъ Оксенштирною. Въ депешѣ Лефорта (отъ 1-го августа 1697) предлагалось о скрѣпленіи прежняго или о заключеніи новаго союза между царемъ русскимъ и королемъ шведскимъ, преимущественно по поводу тогдашнихъ событій въ Польшѣ, и если на то послѣдуетъ согласіе, то онъ, Лефортъ, немедленно прибудетъ въ Стокгольмъ. Ответная депеша (отъ 20-го августа) получена была 19-го сентября; канцлеръ Оксенштирна выставлялъ, отъ имени своего государя, сужденія въ дружбѣ и любви, равно и поведенія «для увеличенія доброго дѣла и вѣчнаго союза» между обоими монархами, но о главномъ предметѣ канцлеръ умалчивалъ. Такой отвѣтъ могъ удовлетворить царя тѣмъ менѣе, что получены были анонимическими извѣстія о принцѣ Бонти и въ газетахъ часто стали появляться свѣдѣнія о дѣйствіяхъ французскаго посланника при шведскомъ дворѣ, даво, въ пользу принца Бонти и его партіи въ Польшѣ. Петръ приказалъ Лефорту еще разъ написать графу Оксенштирну и потребовать опредѣлительныхъ объясненій объ интригахъ французскаго двора. Но и вторая отвѣтная депеша шведскаго канцлера оставалась неудовлетворительною: она тоже заключала въ себѣ одни увѣренія и ни словомъ не упоминала о главномъ дѣлѣ. Кажется, это была послѣдній дружественный обмѣнъ между двумя сѣверными дворами предъ продолжительною и упорною войною.

Польская путаница, вывѣнная послѣдствіемъ выборовъ разомъ двухъ «крудей», между тѣмъ разрѣшилась. Петръ Лефортъ писалъ (2-го ноября) своему отцу: «Принцъ Бонти возвращается во Францію. Говорятъ, онъ поѣдетъ чрезъ Копенгагенъ, гдѣ намѣренъ повѣселиться и тѣмъ разогнать свою доваду. Здѣсь носится слухъ, что принцъ, нахдясь въ обществѣ съ знатными долаками своей партіи, угоститъ и напоитъ ихъ на славу, покомъ, пригласитъ на свой карабль и,

ника: она являлась; приказалъ водить парусы. Увозъ канонъ, онъ, будто бы, означалъ, что не озабочитесь нѣмъ до тѣхъ поръ, пока они не возвратятся; ему тѣмъ же денегъ, которыя онъ хотѣлъ получить, сообщая защиты, стояла за: шриномъ извѣстна; но отъѣзду принца не сомнѣнны; Мосоловнн, конечно, не оставался тѣмъ же. Въ то же время кончили и концы въ Рейсннхъ подписаннхъ, 30-го октября, отъ той же, послѣ чего русское посольство возвратилось въ Амстердамы.

Между тѣмъ и царица Петра, со своими волонтерами, постоянно была занята на верфи цестройкою корабля, въ жизни и дѣятельности посланннхъ, особенно Дефорта, наступила пора другаго рода. Главная цѣль жизни, Вѣна, все еще имѣла въ виду и оба отъѣзды туда говорено было неоднократно; но и занятія царицы, и обязанности плава его не позволяли опредѣлить времени. Общій миръ былъ заключенъ; настала зима; военныя дѣйствія прекратились и на востокѣ, французская партія въ Подольскѣ со своимъ принцемъ, исчезла; и споръ между императоромъ и царемъ былъ свѣдѣнъ, и Петръ понималъ теперь только о томъ, чтобы совокупно съ имперскими войсками, возобновить рѣшительную борьбу противъ ислама. При такомъ политическомъ затиханнхъ, хотя и въ дѣятельности Дефорта, но международныя сношеннхъ, наступило затиханье, однако переписка его съ дипломатами многихъ государствъ участвовалась. Кроме того, на немъ лежала обязанность, представлять своего государя блистательными празднествами; онъ заведывалъ дѣлами внѣшними и хозяйственными дѣлами пельдегта; къ нему обращались со всѣхъ сторонъ люди или сами желавшіе поступить въ царскую службу; или приглашавшіе въ нее. Работая отъ утра до вечера, онъ находилъ, впрочемъ, болѣе чѣмъ прежде досуга жить въ обществѣ своихъ друзей и приближеннхъ въ Амстердамы родныхъ. Въ этомъ обществѣ преобладали занятія литературой и музыкой.

Въ то время много было писано и печатано о великодушнхъ обстаннхъ, о бездѣлнхъ, о пышности и о богатствѣхъ перваго царскаго посланника; съ изумленнхъ говорили о необыкновенномъ уваженнхъ, лично ему оказываемомъ, о бездѣлнхъ расходахъ, имъ дѣлавнхъ. Все такія описаннхъ и разговоры тревожили ближайшихъ родныхъ Дефорта. Они знали—потому что это было нечестно возмъ—что могущественный министръ, любимецъ и совѣтникъ русскаго монарха, не считалъ имѣвшихъ въ его распоряженнхъ средствъ свою собственностн, что у него не было состояннхъ, которое обезпечивало бы его въ будущемъ, такъ какъ пожалованная ему недавно вѣчная

не значила ничего, особенно въ глазахъ галлацевъ (*). Наличьи денегъ Дефортъ не имѣлъ — это также было вѣдѣе имѣльско; еще въ 1694 году амстердамскій бургомистръ Вакенъ купилъ его въ томъ. Въ домѣ его были дорогія вещи, подаренныя Петромъ и другими членами царской фамилии, следовательно составлявшія его собственность; но и нѣхъ онъ считалъ только средствами въ той цѣли, которую преслѣдовалъ въ духѣ царя-преобразователя. Онъ любилъ блескъ, любилъ жизнь въ широкихъ разбѣрахъ, и все это могло льстить его честолюбію; но если онъ говорилъ: «все, что я имѣю, принадлежитъ его царскому величеству», то, конечно, понимая, только о высшихъ цѣляхъ, которыя, въ виду социальной жизни и формъ цивилизаціи въ Россіи, становятся, при необыкновенныхъ стремленіяхъ Петра, тѣмъ понятнѣе, что онъ, бесспорно, должны были имѣть могущественное вліяніе и на самого царя, и на его ближайшихъ сотрудниковъ.

Соображенія подобнаго рода были непонятны женовскимъ Дефортамъ, тѣмъ болѣе, что министр, расходовавшій огромныя суммы, распоряжавшійся, такъ сказать, царскою казною, не всегда аккуратно высылалъ деньги за воспитаніе своего сына. И по этому поводу ему писали неоднократно, твердили, что деньги нужны; онъ обѣщавъ высылать, извинялся, не срѣкъ переходилъ за срокомъ, а деньги не высылались. Старшій братъ Амъ не могъ не высказывать своего удивленія, что Франкъ не заботился о матеріальномъ обеспеченіи ни себя, ни своего сына, и вовсе не думаетъ о необходимости откладывать копѣйку на черный день. Онъ просилъ даже амстердамскіе друзья Франца Яковлевича серьезно переговорить съ нимъ объ этомъ предметѣ; и еще чаще убѣждалъ сына своего Петра объясняться съ дядею; но сынъ не могъ сообщить отцу ничего удовлетворительнаго, крокъ отвѣтъ дяди, въ рѣшъ слѣдующихъ: «Я искалъ своего счастья: пусть и сынъ мой пощеть своего... Я стараюсь научить его всему, что пригодится въ жизни, а тамъ пусть самъ позаботится о себѣ»; или: «если человѣкъ имѣеть все, чего желаетъ его сердце, то и довольно; если я буду имѣть счастье видѣть продолженствіе его царскаго величества, то буду счастливъ».

Одно обстоятельство много занимало, въ это самое время, женовскихъ Дефортъ и ихъ друзей — обстоятельство кота и домашнее.

(*). Генералъ Гордонъ, получившій, одновременно съ Дефортамъ, вотчину, говоритъ, что, въ то время, земельныя владѣнія въ Россіи имѣли цѣну только для тѣхъ собственниковъ, которые постоянно жили въ нихъ и искали въ сельскихъ произведеніяхъ средствъ къ ежедневному существованію.

но имѣвшее общій интересъ по отношенію своему къ царю и къ его любимцу. Тринадцатилѣтній сынъ Франца Яковлевича, мажорантъ роуслый и здоровый, провелъ въ Женевѣ два года подъ бдительнымъ надзоромъ дяди своего Ами. Для воспитанія и образованія его сдѣлана была всевозможное, о чемъ отецъ убѣдительно просилъ въ каждой писемѣ. Францъ учился прилежно, и своимъ поведеніемъ всегда доставлялъ удовольствіе бабушки и прочимъ роднымъ. Мать поддерживала непрерывную переписку съ сыномъ и не переставала внушать ему добрыя правила. Отецъ обращался больше къ старшему своему брату, которому вполнѣ передавъ Анри и къ которому питалъ безпредѣльное довѣріе. Содержаніе молодого Лефорта и его небольшой свиты стоило денегъ; кромѣ того, въ Женеву часто посылались цѣнныя подарки тѣмъ, которые болѣе всего заботились о мальчикѣ. Въ Женевѣ знали, что онъ пенсіонеръ царя. Сомнѣваясь въ возможности свиданія съ матерью и съ родными (дѣла посольства не дозволяли надеяться на это), отецъ горячо желалъ, чтобы къ нему привезли сына, и прибавлялъ, что царь также желаетъ видѣть Андрея. Но мать шла не объ одномъ свиданіи съ сыномъ: отецъ думалъ уже о перемѣнѣ его мѣста жительства и плана воспитанія. Однажды мать онъ упоминала, что намѣрена вывезти сына въ Москву для царевича и наследника престола; въ другой разъ — и это было въ послѣднее время — называла дворъ курфюрста Бранденбургскаго или короля Саксонскаго-Мейсскаго, гдѣ сынъ могъ бы довершить свое образованіе. Племянникъ Петръ, знавшій, что мать ничего больше не желала, какъ жить при себѣ сына, для исполненія своихъ давнишнихъ замысловъ, писалъ отцу своему съ раздраженіемъ откровенно-перваго плана: «привезти его (мальчика) въ Москву значило бы прямо похоронить его, потому что онъ очень молодъ, а тетюшка моя, генеральша, каталитка и афера первая, постаралась бы привлечь сына въ свою вѣру, о чемъ она и говорить открыто».

Эти и подобныя вѣсти пропадали въ Женевѣ, озабоченность на счетъ молодого Анри, и потому рѣшено было писать къ отцу и къ его амстердамскимъ друзьямъ. Отецъ, уже довершавшій въ Кенигсбергѣ о приемѣ сына въ курфюрщескому двору, колебался, не отвѣчалъ ничего положительнаго, потому что не могъ или не хотѣлъ предпринимать чего-либо безъ воѣды царя. «Можно сказать», извѣщалъ Петръ Лефортъ, «что рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ его величества, и дядя не возьметъ сына (изъ Женевы), если на то не послѣдуетъ согласія царя. Генераль имѣетъ обыкновеніе, какъ по вѣдамъ госу-

дарственными, такъ и по своимъ собственнымъ, не предпринимать ничего, если государь не развяжетъ ему на то руки (formis qua son maître n'y donne les mains). Наконецъ, послѣ продолжительной переписки, тотъ же Петръ Лефорть извѣстилъ (12-го ноября, изъ Амстердама) отца своего: «На вопросъ мой о снѣдъ, генералъ отвѣчалъ мнѣ, что, въ бытность здѣсь, въ прошлую субботу, его величества, онъ говорилъ съ государемъ, который сказалъ: снѣдъ онъ (Лефорть) хочетъ поступить такъ, и не лучше-ли оставить его (сына) у родныхъ, чѣмъ переводить въ другія неизвѣстные мѣста, гдѣ, быть можетъ, ученье его не пойдетъ такъ хорошо». Тѣмъ дѣломъ и кончилось.

Послѣ девятинедельной неустанной работы, царь, вмѣстѣ со своими сотрудниками, кончилъ фрегатъ или галѣть, подъ руководствомъ корабельнаго мастера Пола, и судно, подъ именемъ Петра и Павла, было 16-го ноября спущено со стапелей. Близко ознакомясь съ дѣломъ, Петръ убѣдился, что здѣсь, не закладъ, работаютъ иначе, нежели въ Россіи, и, судя по всему видному и испытанному, могъ судить, что не доставитъ его наряду. Любопытная о созданіи флота, онъ, въ то же время, тщательно слѣдилъ за всѣми предпріятіями, касавшимися ремеслъ, промышленности и мануфактуръ, и вознѣмля мысль пригласить въ свою страну искусныхъ практическихъ дѣятелей. Дѣло это царь поручилъ своему морскому посланнику, который былъ поставленъ тѣмъ въ немалое затрудненіе. Причина та, что не только въ Амстердамѣ или въ Голландіи пришли осмотрѣть на министра Лефорта какъ на человека всесильнаго, но и въ другихъ земляхъ воображали, что стоитъ только обратиться къ нему и быть принятымъ въ дарскую службу. Почти даше распространялся слухъ, что царь приглашаетъ въ себя иностранцевъ, тѣмъ чаше являлись къ Лефорту охотники ѣхать въ Россію. Особенно много было ему хлопотъ съ тѣми искателями мѣстъ, которые прибывали изъ Женевы съ рекомендательными письмами отъ его родныхъ и знакомыхъ. Едва поступалъ въ такихъ случаяхъ Францъ Яковлевичъ, показывающій слѣдующіе примѣры:

«Ще при прѣздѣ чрезъ Барнѣвъ, явилось къ нему два француза, съ рекомендательными письмами отъ брата Ами, желавшіе поступить въ дарскую службу. Онъ отвѣчалъ, что теперь не можетъ принять ихъ, потому что ниго не можетъ брать съ собою, да и не знаетъ, когда возвратится, а въ Женеву написалъ: «Мнѣ дано повелѣніе принять двѣсти или триста человекъ, но я ишу преимущественно морскихъ офицеровъ. Флотъ, находящійся подъ командою начальствомъ въ составѣ

ста двадцати военныхъ судовъ или галеръ, возлагаетъ на меня обязанность соблюдать крайнюю осторожность, и вотъ причина, почему я такъ долго останусь въ Амстердамѣ, гдѣ долженъ устроить все нужное для отправки». Племянникъ Лефорты, подтверждая фактъ касательно принятія въ русскую службу иноземныхъ офицеровъ, прибавляетъ: «Дядя еще не намѣренъ брать подобныхъ людей. Г. Фаціо де-Дюилле (прибывшій изъ Женевы съ особыми рекомендаціями) заявилъ себя съ хорошей стороны, но ему не дано положительнаго отвѣта, равно и сотнямъ другихъ, предлагавшихъ свои услуги». Пріѣзжали изъ Женевы родные или близкіе знакомые тамошнихъ Лефортовъ, съ цѣлю быть взятыми въ Москву. Генераль принималъ ихъ ласково, интересовался ими, но затруднялся опредѣлить ихъ въ царскую службу. Одному изъ нихъ онъ отвѣчалъ, что «его царское величество не приказалъ принимать ни одного офицера до отъѣзда изъ Амстердама»; другому объявилъ, что онъ не можетъ быть опредѣленъ въ военную службу, потому что никогда не обращался съ оружіемъ, да и боялся такого рода жизни; третьему, отецъ котораго письменно обращался съ просьбою къ посланнику принять въ русскую службу его сына, немѣшшаго, однако, къ тому склонности, приказалъ передать, что насильно никого не намѣренъ вести въ Москву, и пока молодой человекъ останется при своемъ образѣ мыслей, не совѣтуетъ отпускать его. «Впрочемъ», прибавлялъ Лефорть, «если бы этотъ молодой человекъ пожелалъ должности (emploi) гдѣ-либо въ другомъ государствѣ, то я съ удовольствіемъ готовъ ходатайствовать за него или у императора, или у курфюрста». Напротивъ, когда Руссье, бывшій учитель его латинскаго языка, теперь пасторъ въ Бомелѣ (въ гельдернской провинціи), обратился съ просьбою объ опредѣленіи одного изъ своихъ сыновей, служившаго въ арміи генеральныхъ штатовъ, Францъ Яковлевицъ съ величайшею готовностію исполнилъ желаніе своего наставника и назначилъ мартъ мѣсяць срокомъ яви молодого человека въ Амстердамъ.

Хотя, послѣ официальныхъ представленій, наши посланники вели болѣе тихій образъ жизни, однако два послѣднія, устроенныя Лефортомъ, празднества заставили говорить о себѣ далеко за предѣлами Голландіи. Царь Петръ, получивъ, въ декабрѣ, вѣстие о побѣдѣ своихъ войскъ подъ крѣпостію Казыкирменомъ (*), тотчасъ же приказалъ от-

(*) Казыкирменъ, на Днѣпрѣ, былъ покоренъ въ 1695 году, въ первый азовскій походъ. Въ 1697 году, татары, вмѣстѣ съ турками, осадили крѣпость и готовились штурмовать ее, когда подошедшая на помощь рать, подъ начальствомъ князя Долгорукова, на-голову разбила небѣрныхъ.

праздновать это счастливое событіе роскошнымъ пиромъ. Приглашены были бургомистръ Витсенъ, члены совѣта и адмиралтейства и угощены съ «неслыханнымъ великолѣпіемъ». Царь не только почтилъ пиръ своимъ присутствіемъ, но и объявилъ себя гостямъ. Спустя четыре дня, состоялся не менѣе великолѣпный и богатый пиръ, по поводу ежегодно празднуемаго Лефортомъ воспоминанія о женевской эскаладѣ. Особенно объ этомъ празднествѣ много говорили въ Парижѣ. Тамъ рассказывали о необычайной пышности, проявленной первымъ посланникомъ: приглашеніе получили не только всѣ женевцы, но и даже тѣ, которые находились съ ними въ какихъ-либо сношеніяхъ; конфетъ за обѣдомъ было такое множество, что на другой день генералъ послалъ всѣмъ дамамъ наполненные ими корзинки. Парижане занимались даже гардеробомъ Лефорта, насчитывали, что у него отъ шестидесяти до семидесяти штукъ платья, и говорили, что одного наряда, убраннаго драгоценными камнями, и оцѣнить нельзя.

Но главнымъ предметомъ любопытства французовъ былъ самъ царь. Въ своихъ газетахъ они читали и знали по наслышкѣ о его дѣлахъ и занятіяхъ, и по нимъ составили себѣ понятіе о Петрѣ. Въ одно изъ писемъ изъ Парижа было сказано: «Никогда еще не видывали подобнаго необыкновеннаго (*si particulier*) челоуѣка; есть нѣчто чрезвычайное въ этомъ умѣ (*il y a quelque chose d'extraordinaire dans cet esprit*)». Неудивительно, что публикѣ хотѣлось имѣть портретъ русскаго царя. Нашелся и художникъ (имя его неизвестно), рѣшившійся удовлетворить общему требованію. По этому поводу, Петръ Лефортъ писалъ своему отцу (12-го ноября): «Мы видѣли здѣсь, въ Голландіи, портретъ его царскаго величества; но онъ не похожъ на оригиналъ даже приблизительно (*ni à peu près*); я думаю, что это тотъ самый, который вы имѣете въ Женевѣ. Не знаю, можетъ ли дядя удовлетворить васъ въ этомъ отношеніи; полагаю однако, что онъ всячески постарается». Последнія слова, конечно, означали, что генералъ постарается прислать брату схожій портретъ царя, а что изготовленіе его началось уже теперь, видно изъ слѣдующихъ словъ: «что же касается до его собственнаго (Лефортова) портрета, то и къ нему уже приступлено; надъ нимъ трудится лучшій здѣшній живописецъ».

Въ концѣ письма было сказано, что онъ, Петръ Лефортъ, отправляется, по дѣламъ, въ Гаагу съ имперскими посланниками, а оттуда будетъ посланъ къ королю англійскому. Эта посылка къ королю Вильгельму, который еще не возвращался въ Англію, относилась, безъ сомнѣнія, къ путешествію туда царя; однако въ началѣ

декабря ничего не было рѣшено ни о путешествіи, ни о срогѣ пребыванія посольства въ Амстердамп, ни объ отъѣздѣ въ Вѣну. Петръ Лефортъ писалъ: «Генералъ не знаетъ, долго ли пробудеть здѣсь (въ Амстердамп), потому что его величеству угодно ѣхать въ Вѣну или куда-нибудь въ другое мѣсто; но я полагаю, что мы проведемъ здѣсь зиму, потому что невозможно тронуться въ путь прежде ледохода и пока дороги не сдѣлаются доступными....» Между тѣмъ, король Вильгельмъ писалъ царю чрезъ лорда Карнартона (9-го (19-го) ноября) и принесъ ему въ даръ превосходную яхту, «the Transport Royal». Послѣ этого майоръ Преображенскаго полка, Адамъ Вейде, былъ посланъ въ Лондонъ благодарить Вильгельма отъ имени Петра, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передать желаніе цара посѣтить Англію инкогнито, такъ какъ его величество хотѣлъ видѣть англійскіе корабли и изучать морскую администрацію Великобританіи.

Король Вильгельмъ прислалъ за Петромъ два военныхъ корабля и яхту, подъ начальствомъ вице-адмирала Мичеля. 7-е января 1698 года назначено было днемъ отъѣзда царя изъ Амстердама, въ сопровожденіи лишь десяти человекъ, изъ самыхъ усердныхъ сотрудниковъ Петра по морскому дѣлу. Наканунѣ онъ обѣдалъ у Лефорта, котораго обвинялъ нѣсколько разъ въ продолженіе стола, а на слѣдующее утро, когда коляска уже стояла готовою, провелъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ своего любимица, куда былъ приглашенъ и бургомистръ Витсенъ для совѣщаній. Свидѣтель прощанія царя съ Лефортомъ, Витсенъ пишетъ: «Въ жизнь мою не видалъ я ничего болѣе трогательнаго, какъ прощаніе его величества съ господиномъ генераломъ: они обнялись такъ вѣрно, что оба заплакали». При послѣднемъ моментѣ присутствовали еще племянникъ Лефорта, секретарь посольства, и пасторъ Эйрз (Eugaud): они подтверждаютъ слова Витсена. Прощаясь, Петръ сказалъ, что «если ему понравится въ Англіи и онъ пробудетъ тамъ долѣе, то вызоветъ туда Лефорта».

(Окончаніе будетъ.)